

ДОРОТИ ЛИ

СЭЙЕРС

*НЕЕСТЕСТВЕННАЯ
СМЕРТЬ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Лорд Питер Уимзи

Дороти Ли Сэйерс

Неестественная смерть

«Издательство АСТ»

1927

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Сэйерс Д.

Неестественная смерть / Д. Сэйерс — «Издательство АСТ»,
1927 — (Лорд Питер Уимзи)

ISBN 978-5-17-156806-1

Казалось бы, в смерти сказочно богатой дамы Агаты Доусон нет ровно ничего подозрительного: она находилась в весьма преклонном возрасте и страдала от тяжелой неизлечимой болезни. Так что же насторожило обычного провинциального врача, решительно отказавшегося подписывать свидетельство о смерти? Питер Уимзи решает выяснить обстоятельства дела и обнаруживает, что мисс Доусон – лишь первая из жертв убийств, изощренно стилизованных под естественную смерть...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-156806-1

© Сэйерс Д., 1927
© Издательство АСТ, 1927

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дороти Ли Сэйерс

Неестественная смерть

Dorothy L. Sayers

UNNATURAL DEATH

© The Trustees of Anthony Fleming (deceased), 1927

© Перевод. И. Дороница, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Часть 1

Медицинская проблема

*Признаться, я и сам не понимаю,
Что так меня печалит. Грусть и вас
Томит, как вы сказали мне; но, право,
Я все еще пытаюсь догадаться, как
Я эту грусть поймал, нашел иль встретил,
И из чего она сотворена,
И чье она произведение.*

У. Шекспир. Венецианский купец¹

Глава 1

По слухам

Смерть, безусловно, была скоростижной, неожиданной и, на мой взгляд, загадочной.

Из письма доктора Патерсона судебному распорядителю² по делу Причарда

– Но если он предполагал, что женщину убили...

– Дорогой мой Чарлз, – сказал молодой человек с моноклем, – врач – последний человек, которому пристало строить «предположения». Это может ввергнуть его в большие неприятности. Я считаю, что в деле Причарда доктор Патерсон совершенно разумно сделал все, что мог, отказавшись выдать свидетельство о смерти миссис Тейлор и послав необычно тревожное письмо судебному распорядителю. У него не было иного способа помешать этому человеку одурачить всех. Если бы по делу миссис Тейлор было возбуждено дознание, Причард, скорее всего, испугался бы и оставил жену в покое. В конце концов, ведь у самого Патерсона не имелось ни малейших убедительных доказательств. А допустим, он оказался бы не прав – представляешь, какой поднялся бы скандал?!

– И тем не менее, – настаивал неказистый молодой человек, с сомнением извлекая из раковины горячую скользкую виноградную улитку и боязливо оглядывая ее, прежде чем положить в рот, – я не сомневаюсь, что предать огласке свои подозрения – гражданский долг каждого.

– Либо служебный в твоем случае, – подхватил его сотрапезник. – Кстати, гражданский долг отнюдь не обязывает тебя питаться улитками, если они тебе не нравятся. А я вижу, что тебя от них воротит. Зачем же покоряться суровой судьбе? Официант, заберите у джентльмена улиток и принесите ему вместо них устриц... Так вот, как я уже сказал, для тебя это неотъемлемая часть служебного долга – подозревать, возбуждать расследования и вообще поднимать шум по любому поводу; и если ты ошибешься, никто тебя не упрекнет – наоборот, скажут, что ты толковый и добросовестный профессионал, разве что немного слишком ревностный. Но

¹ Действие I, сцена 1. Пер. П. Вейнберга.

² Судебный распорядитель – руководитель предварительной стадии судебного разбирательства в отделении по делам о завещаниях, разводах и морским делам Высокого суда правосудия в Великобритании.

бедолаги-врачи в некотором смысле вечно балансируют на натянутой проволоке общественного мнения. Люди не горят желанием обращаться к доктору, который склонен при малейшем сомнении подозревать убийство.

– Прошу прощения. – Сидевший за соседним столом молодой человек с тонкими чертами лица, не сдержавшись, повернулся к ним. – Чрезвычайно невежливо с моей стороны вклиниваться в ваш разговор, но все, что вы говорите, – сущая правда, и мой случай тому подтверждение. Врач... вы и представить себе не можете, насколько он зависим от фантазий и предубеждений своих пациентов. Они не терпят ни малейших сомнений. Если вы посмеете предложить им вскрытие покойного, они встретят в штыки саму идею, что их «бедного дорогого такого» будут резать», и даже если вы всего лишь попросите разрешения разобраться в неясных обстоятельствах его смерти в научных интересах, они тут же вообразят, будто вы намекаете на нечто недостойное. Но, разумеется, если вы оставите все как есть, а потом окажется, что какие-то темные делишки имели-таки место, коронер схватит вас за горло, а газеты сделают из вас посмешище, но в любом случае вы будете не рады, что родились на свет.

– Вы говорите так, будто лично пережили нечто подобное, – заметил человек с моноклем, явно проявляя сочувственный интерес.

– Так и есть, – горячо подтвердил мужчина с тонкими чертами лица. – Если бы я повел себя как рядовой обыватель, а не как добросовестный гражданин, мне бы сегодня не пришлось искать новую работу.

Человек с моноклем, едва заметно улыбнувшись, окинул взглядом маленький зал соховского ресторана, в котором они сидели. Толстяк за столом справа с елейным видом обхаживал двух певичек; дальше, за ним, два пожилых завсегдатая демонстрировали свою приверженность меню «Доброго буржуа», поглощая рубцы по-каннски (которые там готовят превосходно) и запивая их бутылкой «Шабли Мутон» 1916 года; по другую сторону зала какая-то провинциальная пара сдуру шумно требовала, чтобы им подали под вырезку лимонад для дамы и виски с содовой для джентльмена, между тем как за дальним столиком красивый хозяин с серебряной шевелюрой, поглощенный утомительным процессом выбора салата для семейного ужина клиентов, не мог думать ни о чем, кроме как о нужной пропорции измельченной зелени с чесноком для заправки. Старший официант, продемонстрировав посетителю с моноклем и его спутнику блюдо синей радужной речной форели и получив одобрение, разложил еду по тарелкам и удалился, оставив их в уединении, коего неискушенные люди всегда ищут и никогда не находят в модных маленьких кафе.

– Я чувствую себя прямо как принц Флоризель Богемский³, – заявил человек с моноклем. – Уверен, сэр, что ваша история очень интересна, и был бы чрезвычайно признателен, если бы вы любезно поделились ею с нами. Похоже, вы уже отобедали, так что, если ничего не имеете против, пересаживайтесь за наш столик и поведайте нам вашу историю, пока мы будем есть. И простите мне мою стивенсоновскую манеру – она ничуть не умаляет моей заинтересованности.

– Не валяй дурака, Питер, – осадил его неказистый приятель. – Мой друг гораздо более разумный человек, чем вы, вероятно, подумали, судя по его речам, – добавил он, обращаясь к незнакомцу, – и если вам хочется снять камень с души, вы можете быть абсолютно уверены, что дальше нас это никуда не пойдет.

Незнакомец мрачновато улыбнулся.

– Я с удовольствием расскажу вам свою историю, если вам не будет скучно. Просто она случайно совпала с темой вашего разговора.

– И подтвердите мою правоту, – торжествующе подхватил человек по имени Питер. – Продолжайте, прошу вас. Выпьете что-нибудь? Кто умеет веселиться, тот горя не боится, так

³ Герой серии рассказов «Новые тысяча и одна ночь» Р. Л. Стивенсона.

сказать. И начните с самого начала, пожалуйста. У меня совершенно заурядный ум, я обожаю подробности. Меня восхищают отвлечения от основного сюжета. Длительность рассказа не имеет значения. Мы принимаем все разумные предложения. Чарлз, мой товарищ, не даст соврать.

– Итак, – приступил к рассказу незнакомец, – для начала: я врач, сфера моего особого профессионального интереса – рак. Я, как и многие, надеялся специализироваться в этой области, но после сдачи экзаменов у меня не было достаточно средств, чтобы посвятить себя научной деятельности. Пришлось заняться сельской практикой, однако я поддерживал связь со столичными светилами в надежде, что когда-нибудь смогу вернуться в науку. Признаюсь, я ожидал скромного наследства от дядюшки, а пока мои наставники решили, что мне будет весьма полезно получить опыт врача общей практики. Это, мол, расширяет профессиональный кругозор и все такое прочее. Купив славную небольшую практику в... – позвольте мне не уточнять название этого маленького провинциального городка с населением в пять тысяч человек, назовем его просто Икс, по Хэмпширской дороге, – я, естественно, обрадовался, обнаружив в списке моих новых пациентов случай рака. Пожилая дама...

– Как давно это было? – перебил его Питер.

– Три года тому назад. Существенно помочь пациентке возможности не представлялось: ей было семьдесят два года, и она уже перенесла одну операцию. Однако старушка держалась стойко и решительно боролась с болезнью, благо крепкий от природы организм помогал ей в этом. Замечу: остротой ума она не отличалась, видимо, никогда – равно как и сильным характером, судя по ее взаимоотношениям с окружающими, но в некоторых вещах проявляла чрезвычайное упрямство: в частности, была одержима убежденностью, что от этой болезни не умрет. В то время она жила с племянницей, женщиной лет двадцати пяти. Раньше компанию ей составляла пожилая дама, тетка этой девушки по другой семейной линии, бывшая закадычной подругой моей пациентки еще со школьных лет. Когда эта самая тетушка скончалась, девушка, оказавшаяся их единственной живущей родственницей и служившая медсестрой в Королевской общедоступной больнице, бросила работу, чтобы ухаживать за моей пациенткой, и они поселились в городке Икс примерно за год до того, как я приобрел там практику. Надеюсь, пока я все ясно излагаю?

– Абсолютно. У больной была сиделка?

– В то время – нет. Пациентка была еще в состоянии самостоятельно передвигаться, посещать знакомых, выполнять нетрудную работу по дому и в саду, вязать, читать, выезжать на прогулки – словом, делать все то, чем заполняют свою жизнь пожилые дамы. Конечно, время от времени у нее случались приступы боли, но медицинской квалификации племянницы было достаточно, чтобы предпринять все необходимые меры.

– Какой была эта племянница?

– О, очень милой, хорошо образованной, умелой, и мозгов у нее было куда больше, чем у ее тетушки. Это была полагавшаяся только на собственные силы, спокойная и рассудительная и в общем вполне современная девушка из тех, на кого можно рассчитывать, зная, что они ничего не забудут и не потеряют голову. Разумеется, некоторое время спустя злокачественное образование, как обычно бывает, если не пресечь процесс на самой ранней стадии, снова дало о себе знать, и потребовалась новая операция. В то время я практиковал в городке уже месяцев восемь. Я отвез пациентку в Лондон, к своему старому наставнику сэру Уорбертону Джайлзу, и что касается самой операции, то она прошла очень успешно, хотя в ходе ее подтвердилось, что другие жизненно важные органы охвачены метастазами и кончина пациентки – лишь вопрос времени. Не буду вдаваться в подробности. Все, что можно сделать в таких случаях, было сделано. Я хотел, чтобы старушка осталась в Лондоне под наблюдением сэра Уорбертона, но она решительно этому воспротивилась. Привыкшая к сельскому образу жизни, она не могла хорошо чувствовать себя нигде, кроме как дома. Поэтому она вернулась в Икс; мне удалось

организовать ее регулярные поездки на лечебные процедуры в ближайший большой город, где имелась превосходная больница. Она на удивление быстро оправлялась после хирургического вмешательства и в конце концов, отказавшись от сиделки, смогла вернуться к прежнему образу жизни под заботливым присмотром племянницы.

– Одну минуту, доктор, – вклинился тот из его собеседников, которого звали Чарлз, – вы говорите, что возили ее к сэру Уорбертону Джайлзу и все такое прочее. Как я понимаю, ваша пациентка была весьма неплохо обеспечена?

– О да, она была очень состоятельной женщиной.

– Вы, случайно, не знаете, составила ли она завещание?

– Нет, не составила. Я уже упоминал ее крайнее неприятие мысли о смерти. Она всегда категорически отказывалась оформлять какое бы то ни было завещание, потому что подобная необходимость ее очень расстраивала. Как-то накануне операции я рискнул заговорить с ней на эту тему в самой непринужденной форме, но только спровоцировал нежелательное возбуждение с ее стороны. Кроме того, она заметила – и это была чистая правда, – что в завещании нет никакой нужды. «Ты, дорогая, – сказала она племяннице, – моя единственная в мире близкая родственница, и все, что я имею, когда-нибудь перейдет к тебе, что бы ни случилось. Уверена, я могу довериться тебе в том, что ты не забудешь моих слуг и сделаешь небольшие пожертвования от моего имени». Так что я больше не настаивал. Кстати, помню... но это было гораздо позже и не имеет прямого отношения к нашей истории...

– Прошу вас, – взмолился Питер, – не пропускайте никаких подробностей!

– Хорошо. Помню, однажды я пришел к своей пациентке и нашел ее не в лучшем состоянии, очень возбужденной. Племянница сообщила мне, что все это из-за визита ее поверенного – семейного нотариуса из города, где они жили прежде, не местного. Он настоял на встрече со своей клиенткой с глазу на глаз, и к концу разговора та страшно разволновалась, рассердилась и заявила, что все плетут против нее заговор, чтобы раньше времени свести ее в могилу. Поверенный ушел, ничего не объяснив племяннице, однако изо всех сил постарался убедить ее, чтобы она послала за ним в любое время дня и ночи, если ее тетушка изъявит желание видеть его, – и он тут же явится.

– И за ним посылали?

– Нет. Старушка сочла себя глубоко оскорбленной нотариусом, и едва ли не последним ее самостоятельным решением было забрать у него все свои дела и передать их местному поверенному. Вскоре после этого ей потребовалась третья операция, после которой она постепенно все больше начала превращаться в инвалида. Слабел и ее разум, она перестала понимать сколько-нибудь сложные вещи, да и боли мучили ее теперь так сильно, что было бы немилосердно тревожить ее делами. Получив от нее доверенность, племянница полностью приняла на себя распоряжение тетушкиными расходами.

– Когда это случилось?

– В апреле двадцать пятого года. Заметьте, хоть пожилая дама и была немного не в себе – лет-то ей было немало, – ее физическое состояние оставалось на удивление хорошим. Я испытывал тогда новый метод лечения, и результаты оказались исключительно интересными. Поэтому-то я так и недоумевал, когда случилась очень странная вещь. Надо сказать, что к тому времени нам пришлось снова нанять для моей пациентки сиделку, поскольку племянница не могла ухаживать за ней круглосуточно. Первая сиделка появилась в апреле. Это была очаровательная и очень умелая молодая женщина – идеальная сиделка. Я мог полностью на нее положиться. Ее особо рекомендовал мне сэр Уорбертон Джайлз, и хотя ей было не больше двадцати восьми лет, она обладала благоразумием и рассудительностью женщины вдвое старшего возраста. Должен также признаться, что мы сразу почувствовали глубокую привязанность друг к другу, обручились и должны были в том же году пожениться, если бы не мои проклятые сознательность и чувство гражданской ответственности.

Доктор криво усмехнулся, взглянув на Чарлза, и тот, запинаясь, пробормотал что-то насчет прискорбного невезения.

– Моя невеста, так же, как и я, с особым вниманием относилась к своей подопечной – отчасти потому, что это была моя пациентка, отчасти потому, что сама проявляла глубокий интерес к этой болезни. Она хочет в будущем стать для меня помощницей в деле моей жизни, если, конечно, мне представится шанс им заняться. Но это просто к слову. До сентября все так и шло. А потом по непонятной причине старушка стала выказывать абсолютно немотивированную неприязнь к своей сиделке, как это иногда случается со слабеющими рассудком пациентами. Она вбила себе в голову, что та хочет ее убить (кстати, такие же подозрения она испытывала и по отношению к поверенному), и серьезно убеждала племянницу, будто ее травят. Несомненно, этим она пыталась объяснить свои приступы боли. Увещевания были бесполезны – она кричала и не подпускала сиделку к себе. Естественно, когда такое случается, другого выхода, кроме как заменить сиделку, нет, поскольку в таких условиях пациентке от нее никакой пользы. Я отослал свою невесту обратно в город и отправил в клинику сэра Уорбертона телеграмму с просьбой прислать другую сиделку.

Та приехала на следующий день. Разумеется, с моей точки зрения, она была не так хороша, однако дело свое знала, и у больной против нее возражений не возникло. Но тут у меня начались проблемы с племянницей. Бедная девушка! Долгая выматывающая болезнь тетки, видимо, сказалась на ее нервах: она вдруг возомнила, что той становится существенно хуже. Я объяснил, что состояние больной действительно постепенно ухудшается, но ее организм на удивление успешно сопротивляется болезни, и нет никаких причин для паники. Девушку это не убедило, и как-то в начале ноября она послала за мной среди ночи и потребовала, чтобы я явился немедленно, поскольку ее тетка умирает.

Прибыв, я застал пациентку в разгар болевого приступа, какие неудивительны в ее состоянии, однако непосредственной угрозы жизни в тот момент не было. Я велел сиделке сделать ей укол морфия, а девушке дал бром, посоветовав лечь в постель и на несколько дней устроить себе перерыв в уходе за тетей. На следующий день я очень тщательно обследовал больную и обнаружил, что состояние ее даже лучше, чем я предполагал. Сердце работало ровно и в полную силу, аппетит был отменным, и развитие болезни временно приостановилось.

Племянница извинилась за поднятую ею суматоху, объяснив ее тем, что ей действительно показалось, будто тетка умирает. Я твердо заверил ее, что, напротив, та наверняка проживет еще пять-шесть месяцев. Как вы знаете, в таких случаях срок можно определить с большой точностью.

«В любом случае, – сказал я ей, – вам не следует так убиваться. Смерть, когда она придет, будет для вашей тетушки избавлением от страданий».

«Да, – ответила она, – бедная тетушка. Боюсь, это прозвучит эгоистично, но она – единственный родной человек, оставшийся у меня в этом мире».

Три дня спустя, не успев я сесть за ужин, как мне позвонили: не буду ли я любезен немедленно приехать, моя пациентка скончалась.

– Боже милостивый! – воскликнул Чарлз. – Совершенно очевидно, что...

– Заткнись, Шерлок, – перебил его друг, – история, которую рассказывает доктор, далеко не очевидна. Слишком далеко, как сказал один рядовой, который целился в мишень, а попал в инструктора по стрельбе. Но, вижу, официант уже проявляет нетерпение, а его коллеги переворачивают стулья и собирают солонки. Доктор, не согласитесь ли вы продолжить свой рассказ у меня дома? Могу предложить вам стаканчик весьма недурного портвейна. Поехали? Отлично. Официант, вызовите такси... Сто десять «а», Пикадилли.

Глава 2

Здесь скрывается преступление ⁴

*Палец у меня зудит,
Что-то злое к нам спешит.*

У. Шекспир. Макбет ⁵

Апрельский вечер был ясным и прохладным, дрова в камине гостеприимно пылали ярким пламенем. На книжных стеллажах вдоль стен плотно выстроились книги в роскошных переплетах, на которых играл мягкий свет лампы. В комнате стояли рояль, огромный честерфилдский диван со множеством подушек и два кресла той формы, которая так и манила утонуть в них. Импозантного вида дворецкий принес портвейн и поставил поднос на чиппендейловский столик удивительной красоты. В темных углах комнаты, словно алые и желтые стяги, склонялись в огромных вазах охапки махровых тюльпанов.

Не успел доктор мысленно записать нового знакомого в эстеты с литературными наклонностями в поисках материала для человеческой драмы, как в дверях снова появился дворецкий.

– Звонил инспектор Сагг, милорд, и просил вас, если соблаговолите, отзвонить ему, как только вернетесь домой.

– О, в самом деле? Ну так соедините меня с ним, пожалуйста. Это по поводу дела Уорпшема, Чарлз. Сагг, как всегда, напортачил. У пекаря оказалось алиби – естественно, он им запасся. А, спасибо... Алло! Это вы, инспектор? Ну, что я вам говорил? О, к черту формальности. Послушайте: хватайте егеря и вытяните из него, что он видел в песчаном карьере... Да, я знаю, но если вы спросите достаточно убедительно, он все выложит. Нет, разумеется, нет. Если вы спросите, был ли он там, он, естественно, ответит, что нет. А вы скажите, будто вам доподлинно известно, что был и все видел... Да послушайте же! Если он станет что-то мямлить, скажите, что пошлете туда специальную команду и они отведут русло ручья... Хорошо. Не за что. Дайте знать, что получится.

Он положил трубку.

– Простите, доктор. Небольшое дельце. Прошу вас, продолжайте вашу историю. Значит, старая дама скончалась, да? Полагаю, во сне. Усопла самым что ни на есть невинным образом. Все шито-крыто и полный порядок. Конечно, никаких следов борьбы, ран, кровоподтеков или очевидных признаков насилия, так?

– Совершенно верно. В шесть часов она поела – немного бульона и какого-то молочного пудинга. В восемь сиделка сделала ей инъекцию морфия и пошла вынести на ночь вазы с цветами на лестничную площадку. Служанка явилась к хозяйке, чтобы получить распоряжения на следующий день, и пока они разговаривали, в комнату вошла мисс... то есть племянница. Она пробыла там всего минуту-другую и вдруг закричала: «Сестра! Сестра!» Сиделка бросилась к своей подопечной и нашла ее мертвой. Разумеется, первое, что пришло мне в голову: больной случайно ввели двойную дозу морфия...

– Но он, конечно, не мог подействовать так быстро.

– Да, но я подумал, что глубокую кому могли принять за смерть. Однако сиделка заверила меня, что передозировка категорически исключена, и, сосчитав количество использован-

⁴ У. Шекспир «Гамлет», акт III, сцена 2. Пер. А. Кронеберга.

⁵ Акт IV, сцена 1. Пер. А. Кронеберга.

ных ампул морфия, мы убедились, что это действительно так. Не имелось никаких признаков того, что больная чрезмерно напряглась или обо что-то ударилась, пытаясь подняться. Ночной столик был немного отодвинут от кровати, но это сделала племянница, когда вошла и запаниковала при виде тетки без признаков жизни.

– А что насчет бульона и пудинга?

– Эта мысль мне тоже пришла в голову – не то чтобы я заподозрил злой умысел, но подумал: не переела ли больная настолько, что раздувшийся желудок надавил на сердце, или что-то в этом роде. Но, поразмыслив, пришел к выводу, что это очень маловероятно. Количество съеденного было ничтожно, да и двух часов вполне хватило для того, чтобы переварить пищу, в противном случае смерть наступила бы раньше. Я был совершенно озадачен, так же, как и сиделка. Она страшно расстроилась.

– А племянница?

– Племянница только и твердила: «Я же говорила вам, говорила, я знала, что ей гораздо хуже, чем вы думаете». В общем, чтобы не затягивать, скажу: столь внезапная смерть моей любимой пациентки так встревожила меня, что на следующее утро, все хорошенько обдумав, я попросил разрешения на вскрытие.

– Были трудности?

– Ни малейших. Естественное легкое отвращение к самой процедуре, конечно, имело место, но никакого противодействия. Я объяснил, что чутье мне подсказывает: должна быть какая-то невыясненная патология, которую я не сумел диагностировать, и я буду гораздо спокойнее, если смогу провести исследование. Единственное, что, казалось, волновало племянницу, – это мысль о дознании. Я сказал, проявив, полагаю, неблагоразумие с точки зрения общих правил: мол, не думаю, что дознание потребуется.

– Вы хотели провести вскрытие лично?

– Да, я не сомневался, что найду убедительную причину, которая позволит мне с чистой совестью выдать свидетельство о смерти. Мне в некотором роде повезло: старая дама когда-то в более-менее общей форме высказалась в пользу кремации, и племянница была намерена исполнить ее волю, а это значило, что вместе со мной свидетельство о смерти должен был подписать специалист другой квалификации, поэтому я уговорил еще одного врача помочь мне провести аутопсию.

– Вы что-нибудь обнаружили?

– Ничего. Этот другой доктор, конечно, назвал меня глупцом за то, что я поднял такой шум. Он считал: поскольку старушка в любом случае умирала, в графе о причине смерти достаточно было просто написать: «Рак», а в качестве непосредственной причины указать остановку сердца – и все. Но я был сознательным ослом, черт бы меня побрал, и сказал, что меня это не удовлетворяет. В организме покойной не было абсолютно ничего такого, что могло бы объяснить смерть естественными причинами, и я настоял на проведении анализов.

– Вы в самом деле подозревали?..

– Ну, не то чтобы точно. Однако... я не был полностью удовлетворен. Кстати, во время вскрытия стало совершенно очевидно, что морфий ни при чем. Смерть наступила настолько быстро после инъекции, что лекарство даже не успело еще полностью всосаться. Теперь, снова прокручивая все в голове, я склонен предположить, что причиной смерти послужил какой-то шок.

– А анализы сделали в частном порядке?

– Да, но, разумеется, все равно все вышло наружу, и похороны были отложены. Коронер прослышал об этом деле и готов был инициировать расследование, сиделка, которая вбила себе в голову, будто я обвиняю ее то ли в халатности, то ли в чем-то еще, повела себя крайне непрофессионально, стала обсуждать ситуацию с кем попало и доставила массу неприятностей.

– Но так ничего и не выяснилось?

– Ничего. Не обнаружилось никаких следов яда или чего-либо подобного, так что анализы не дали нам ничего нового. Естественно, я начал думать, что совершил глупость и выставил себя на посмешище. Вопреки собственному профессиональному суждению я подписал свидетельство: остановка сердца вследствие шока; и моя пациентка – после целой недели общих волнений, без расследования – упокоилась в конце концов в своей могиле.

– В могиле?

– О да. С этим связан еще один скандал. Администрация крематория, очень щепетильная в таких вопросах, прослышав о шумихе, отказалась предать тело кремации, поэтому его захоронили на церковном кладбище, чтобы в случае необходимости можно было провести эксгумацию. На похоронах собралось огромное количество народу, все глубоко сочувствовали племяннице. На следующий день я получил записку от одного из моих самых влиятельных пациентов, в которой сообщалось, что он больше не нуждается в моих профессиональных услугах. Еще через день жена мэра при встрече на улице демонстративно перешла на другую сторону. В конце концов практика моя начала иссякать, и я обнаружил, что меня воспринимают как «человека, который практически обвинил милейшую мисс такую-то в убийстве». Иногда говорили, что я опорочил племянницу, иногда – что «новая сиделка была добрейшей, не то что прежняя, легкомысленная, которую уволили, ну вы знаете». Еще по одной версии, я пытался доставить неприятности сиделке, чтобы отомстить за увольнение своей невесты. И наконец до меня дошел слух, будто моя пациентка застала меня, когда я «нежничал» – омерзительное слово – со своей невестой, вместо того чтобы выполнять свои профессиональные обязанности, и я сам прикончил старушку из мести. Хотя почему в таком случае я отказывался выдать свидетельство о смерти, мои клеветники объяснить не потрудились. Я терпел все это с год, но положение мое становилось все более невыносимым. Практика почти сошла на нет, поэтому я продал ее и устроил себе перерыв в работе, чтобы избавиться от оставшегося дурного привкуса всей этой истории, – и теперь ищущий шанс начать все сначала. Вот и все, а мораль сей басни такова: не будьте слишком усердны в исполнении своего гражданского долга.

Доктор с досадой усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

– Плевать мне на этих сплетников, – задиристо заключил он. – Пусть им будет стыдно! – и допил свой бокал.

– Это правильно! – согласился с ним хозяин.

Несколько минут он сидел, задумчиво глядя на огонь, потом вдруг произнес:

– А знаете, меня очень заинтересовало ваше дело. Какое-то внутреннее ощущение подсказывает: тут есть что расследовать, а оно меня еще никогда не подводило и, уверен, не подведет. На днях оно натолкнуло меня на мысль проверить оценку моего подоходного налога, и выяснилось, что последние три года я переплачивал по девятьсот фунтов. Оно же на прошлой неделе заставило меня поинтересоваться у парня, который должен был везти меня через перевал Подкова, достаточно ли в баке бензина, и он обнаружил, что бензина у него не больше пинты, – мы бы заглохли на полпути. А места там безлюдные. Разумеется, я хорошо знал этого парня, так что дело не только в интуиции. Тем не менее мое правило – расследовать все, что, согласно моему внутреннему чутью, заслуживает расследования. Полагаю, – заметил он, как будто что-то вспоминая, – в детстве я был кошмаром для взрослых. В любом случае загадочные истории – мое хобби. На самом деле я не просто идеальный слушатель. Я вас обманул: у меня был скрытый мотив, – признался хозяин, сдирая накладные бакенбарды и обнажая знаменитые впалые щеки, делающие его так похожим на мистера Шерлока Холмса.

– Я и сам уже начал что-то подозревать, – сказал доктор после короткой паузы. – Вы, должно быть, лорд Питер Уимзи. А я-то ломал голову, почему ваше лицо кажется мне таким знакомым: оно ведь было во всех газетах несколько лет назад, когда вы разгадали тайну Ридлсдейла.

– Совершенно верно. Лицо у меня и впрямь довольно нелепое, зато обезоруживающее, правда? Не думаю, что, будь моя воля, я выбрал бы именно такое, но стараюсь выжимать из него все возможное. Очень надеюсь, что оно не приобрело характерно сыщицкого или какого-нибудь иного неприятного выражения. А вот это – сыщик в истинном смысле слова, мой друг инспектор-детектив Паркер из Скотленд-Ярда. Настоящую работу делает он. Я же только подкидываю ему безумные предположения, которые он дотошно развенчивает. Так, опровергая одну идею за другой, мы находим правильное объяснение, и весь мир ахнет: «Господи, ну и интуиция у этого молодого человека!» Послушайте, если вы не возражаете и если доверите мне свои имя и адрес, а также имена всех причастных, я хотел бы поработать над вашим делом.

Доктор задумался ненадолго, потом покачал головой.

– Это очень любезно с вашей стороны, но я предпочту отказаться. С меня и так уже довольно неприятностей. И в любом случае это было бы нарушением профессиональной этики с моей стороны; боюсь, если я снова разворошу муравейник, мне, скорее всего, придется распрощаться с этой страной и закончить жизнь одним из тех корабельных пьяниц-врачей, которые скитаются где-нибудь в южных морях, докучают людям рассказами о своей жизни и стращают их ужасными предостережениями. Не надо будить спящих собак. Но в любом случае большое вам спасибо.

– Воля ваша, – сказал Уимзи. – Но я буду думать, и если какая-нибудь полезная мысль придет мне в голову, дам вам знать.

– Это очень любезно с вашей стороны, – рассеянно повторил гость, принимая шляпу и трость у слуги, которого вызвал Уимзи. – Что ж, доброй ночи и премного благодарен за то, что вы столь терпеливо меня выслушали. Кстати, – добавил он, обернувшись уже от самой двери, – как вы собираетесь «дать мне знать», если вам не известны ни мое имя, ни мой адрес?

Лорд Питер рассмеялся.

– Я же сыщик Хокшоу⁶, – ответил он, – и вы непременно услышите обо мне еще до конца этой недели.

⁶ Детектив Хокшоу – чрезвычайно популярный с 1913 г. персонаж комиксов Гаса Мейджера, чье имя стало нарицательным, американский Шерлок Холмс.

Глава 3

Полезьа от старьих дев

*В Англии и Уэльсе женщин на два миллиона больше, чем мужчин!
И это весьма впечатляющее обстоятельство.*

Гилберт Франкау

– Что ты на самом деле думаешь по поводу этой истории? – спросил Паркер. Он заскочил к Уимзи на следующий день позавтракать, прежде чем выехать в направлении Ноттинг-Дейла в поисках некоего неуловимого автора анонимных писем. – Мне кажется, наш новый приятель слегка самонадеянно оценивает свои профессиональные знания. В конце концов, у старушки действительно вполне мог случиться сердечный приступ. Она ведь была очень стара и больна.

– Мог, конечно, хотя, насколько мне известно, онкологические больные очень редко умирают столь внезапно. Как правило, они на удивление цепко держатся за жизнь. Тем не менее меня бы этот случай так не заинтересовал, если бы не племянница. Видишь ли, она ведь тщательно мостила дорогу к смерти тетки, убеждая всех, что ее состояние стремительно ухудшается.

– Когда доктор рассказывал нам свою историю, я тоже так подумал. Но что такого могла сделать племянница? Она не отравила свою тетку и даже не задушила ее, иначе были бы найдены следы на теле или яд в крови. Тем не менее старушка умерла, поэтому, вероятно, племянница была права, а чрезмерно самоуверенный молодой врач ошибался.

– Все так. И, разумеется, у нас есть только его версия действий племянницы и сиделки, а он, мягко выражаясь, испытывает к сиделке очевидную неприязнь. Кстати, мы не должны упускать ее из виду. Она – последняя, кто был рядом со старушкой перед ее смертью, и это она сделала ей тот самый укол.

– Да-да, но укол, как оказалось, ни при чем. Если и есть в этом деле что-то известное наверняка, так именно этот факт. Или ты подразумеваешь, что сиделка могла сказать пациентке что-то такое, что сильно взволновало ее и вызвало шок? Старушка, конечно, была немного не в себе, но не настолько, чтобы не понять нечто на самом деле для нее страшное. Может, сиделка сдуру сболтнула ей что-нибудь насчет близкого конца? Дама, похоже, была весьма чувствительна к этой теме.

– Вот! – воскликнул лорд Питер. – Я все ждал, когда же ты подойдешь к этому. Ты помнишь, что во всей этой истории есть один действительно зловещий персонаж – семейный нотариус?

– Ты имеешь в виду того, который приезжал поговорить с ней насчет завещания и был так скоропалительно ею уволен?

– Да. Предположим, он хотел склонить свою клиентку изменить завещание в пользу какого-то другого лица – кого-нибудь, кто не участвовал в поведенной нам истории и о ком мы еще ничего не знаем, – и, не добившись ничего сам, подослал вместо себя сиделку.

– Пожалуй, чересчур замысловато, – с сомнением ответил Паркер. – Он ведь не знал, что невесту доктора уволят. Если только не был в сговоре с племянницей, конечно, и не уговорил ее заменить сиделку.

– Нет, Чарлз, это пустой номер. Племянница не могла вступить в сговор с нотариусом, чтобы лишиться себя наследства.

– Да, ты прав. Тем не менее, мне кажется, в этой идее что-то есть: старушку могли случайно или сознательно напугать до смерти.

– Да. Но ни в том, ни в другом случае это нельзя было бы считать намеренным убийством. Однако рассмотреть эту версию не помешает. Кстати. – Он позвонил в звонок. – Бантер, не отнесите ли вы письмо на почту?

– Разумеется, милорд.

Лорд Питер придвинул к себе бювар.

– Что ты собираешься писать? – спросил Паркер, не без любопытства заглядывая другу через плечо.

Лорд Питер написал: «Разве цивилизация не прекрасна?», поставил подпись под этим коротким посланием и положил его в конверт.

– Не хочешь получать дурацких писем, Чарлз, – улыбнулся он, – не ставь свой вензель на шляпную подкладку.

– И что ты намерен делать дальше? – поинтересовался Паркер. – Надеюсь, не отправишь меня в шляпное ателье узнавать имя клиента? Не имея полномочий, я не смогу этого сделать, они наверняка устроят дикий скандал.

– Нет, – ответил его друг. – Я не собираюсь покушаться на тайну исповеди. По крайней мере, в шляпной области. А вот если бы ты мог оторвать минуту времени от поисков своего таинственного корреспондента, который, вероятно, отнюдь не жаждет быть найденным, я бы попросил тебя вместе со мной нанести визит одной моей подруге. Это не займет много времени. Думаю, тебе самому будет интересно. На самом деле ты станешь первым, кого я с ней познакомлю. Она будет очень тронута и польщена.

Лорд Питер улыбнулся немного смущенно.

– О! – воскликнул Паркер, испытывая некоторую неловкость. Хотя они и были близкими друзьями, Уимзи всегда вел себя сдержанно, когда речь шла о его личной жизни, – не то чтобы скрытничал, просто обходил эту тему стороной. Нынешняя откровенность друга, видимо, знаменовала переход их доверительности в новую стадию, и Паркер не был уверен, что хочет этого. Он руководствовался в жизни усвоенными от рождения нормами поведения среднего класса, в которых был воспитан, и, признавая, что окружению лорда Питера свойственны иные моральные стандарты, никогда не предполагал, что ему придется столкнуться с их практическим проявлением.

– ...в порядке эксперимента... – продолжал тем временем Уимзи, словно бы немного застенчиво. – В общем, я поселил ее в удобной маленькой квартирке в Пимлико. Ты ведь съездишь туда со мной, Чарлз? Мне правда очень хочется, чтобы вы познакомились.

– Ну да, конечно, – поспешно ответил Паркер, – с большим удовольствием. А... как давно?... То есть...

– О, всего несколько месяцев назад, – сказал Уимзи, ведя друга к лифту, – но, похоже, все складывается вполне удовлетворительно. Мне это намного облегчает дело.

– Понимаю.

– Я не стану ничего объяснять, пока мы туда не приедем, там ты сам все поймешь, – не умолкал Уимзи, с излишней силой захлопывая дверь лифта, – но, как я уже сказал и как ты увидишь, для меня это – некий новый поворот. Ничего такого прежде у меня не было. Разумеется, как говаривал Соломон, нет ничего нового под солнцем, но рискну предположить, что все эти «жены и дикобразы»⁷, по словам невинного ребенка, несколько портит ему настроение. Как ты думаешь?

– Наверняка, – согласился Паркер, а про себя отметил: «Бедолаги, им всегда кажется, что у них все не так, как у других».

⁷ Имеется в виду широко известный в англоязычных странах ответ одной воспитанницы католической школы на вопрос: «Сколько жен и наложниц было у царя Соломона?» «Дикобразы» возникли из-за схожести английских слов porcupines (дикобраз) и непонятого ребенку concubines (наложницы).

– Занятие... – увлеченно продолжал Уимзи. – ...Эй, такси!.. Каждому нужно какое-нибудь занятие... Сент-Джордж-сквер, девяносто семь «а»... В конце концов, нельзя винить людей за то, что им всего лишь требуется какое-то занятие. Я хочу сказать, зачем язвить? Они без этого не могут обойтись. Полагаю, гораздо гуманнее дать им такую возможность, чем насмеяться над ними в книгах. Книги писать легко. Особенно если вы пишете либо дрянную историю на хорошем английском, либо хорошую историю на дрянном английском, чем, на мой взгляд, и занимается большинство писателей в наши дни. Ты согласен?

Мистер Паркер согласился, и лорд Питер продолжал свои рассуждения о литературе, пока кеб не остановился у одного из тех высоких несуразных домов, которые изначально предназначались для большой викторианской семьи с обширным штатом неутомимой прислуги, а потом были разделены каждый на полдюжины неудобных пенальчиков для сдачи в аренду.

Лорд Питер нажал верхнюю кнопку звонка, рядом с которой значилось: «Климпсон», и непринужденно прислонился к перилам крыльца.

– Шесть лестничных пролетов, – объяснил он, – ей нужно время, чтобы открыть дверь, потому что в доме, видишь ли, нет лифта. Но на более дорогую квартиру она не согласилась: сочла, что это будет неуместно.

Мистер Паркер был приятно удивлен скромностью запросов дамы и, облегченно поставив ногу на скребок для обуви, со спокойной душой приготовился терпеливо ждать. Прошло, однако, совсем немного времени, и дверь открыла худая женщина средних лет с острыми чертами желтоватого лица и очень жизнерадостными манерами. На ней были темные юбка и жакет, блузка с высоким стоячим воротником и на шее – длинная золотая цепочка со множеством маленьких ритмично позвякивавших подвесок; серо-стального цвета волосы, причесанные по моде времен покойного короля Эдуарда, были убраны в сеточку.

– О, лорд Питер! Как приятно вас видеть. Весьма ранний визит, но я надеюсь, вы извините некоторый беспорядок у меня в гостиной. Входите. Списки для вас готовы. Вчера вечером закончила. Я как раз собиралась надеть шляпу и отнести их вам. Надеюсь, вы не сочтете, что я непростительно затянула их составление, но записей оказалось на удивление много. Очень любезно, что вы взяли на себя труд зайти сами.

– Не беспокойтесь, мисс Климпсон, все в порядке. Это мой друг, детектив-инспектор Паркер, о котором я вам рассказывал.

– Здравствуйте, мистер Паркер. Или вас следует называть инспектором? Простите, если что-то не так, но я впервые оказываюсь в руках полиции, не сочтите мою шутку невежливой. Пожалуйста, поднимайтесь за мной. Боюсь, здесь слишком много ступенек, но я люблю жить высоко. Там воздух намного лучше, и знаете, мистер Паркер, благодаря безграничной любезности лорда Питера у меня там такая милая квартирка с прекрасным видом, открывающимся поверх крыш. Насколько лучше работается, когда ты не «скован, подавлен, сломлен», как сказал Гамлет⁸. Боже мой! Миссис Уинботтл опять оставила помойное ведро на лестничной площадке, и, как всегда, в самом темном углу. Я ей постоянно указываю на это. Идите ближе к перилам, тогда вы на него не наткнетесь. Еще один пролет. Ну, вот мы и пришли. Пожалуйста, не обращайте внимания на беспорядок. Я знаю, что не убранная после завтрака посуда выглядит ужасно – просто отвратительно, если называть вещи своими именами. Как жаль, что какой-нибудь умелец не изобрел самоочищающиеся и самоубирающиеся тарелки. Прошу садиться, я вас не задержу. И я знаю, лорд Питер, что вам наверняка захочется покурить, не стесняйтесь, пожалуйста. Мне очень нравится аромат ваших сигарет – он такой изысканный, к тому же вы всегда аккуратно гасите окурки.

На самом деле в маленькой комнате царила безупречная чистота, несмотря на множество безделушек и фотографий, занимавших каждый свободный дюйм горизонтальных поверхно-

⁸ На самом деле это слова Макбета. У. Шекспир «Макбет», акт III, сцена IV. Пер. Ю. Корнеева.

стей. Единственным, что нарушало порядок, был поднос с пустой чашкой и тарелкой, усыпанной хлебными крошками и яичной скорлупой. Мисс Климпсон поспешно устранила «беспорядок», выставив поднос на лестничную площадку.

Несколько обескураженный, мистер Паркер осторожно опустился в маленькое кресло, снабженное туго набитой подушкой, не позволявшей откинуться на его спинку. Лорд Питер скрючился на подоконнике, закурил «Собрание» и обхватил колени руками. Мисс Климпсон, с безупречно прямой спиной, села за стол, глядя на него с трогательно довольным видом.

– Я очень тщательно вникла в каждое из этих дел, – начала она, взяв в руки толстую стопку листов, отпечатанных на машинке. – Вероятно, записи мои излишне подробны, но, поверьте, счет за их перепечатку не будет чрезмерно велик. Почерк у меня очень разборчивый, и не думаю, что в тексте есть ошибки. Господи! Какие же печальные истории поведали мне некоторые из этих женщин! Но я расследовала все самым тщательным образом с любезной помощью священника – добрейший человек, очень отзывчивый – и уверена, что в большинстве случаев ваше «пособие» окупится сполна. Если хотите, можно пройтись по списку...

– Не сейчас, мисс Климпсон, – поспешно прервал ее лорд Питер. – Все в порядке, Чарлз, это не имеет никакого отношения к «Нашим глухонемым друзьям» или поставке бумагеи матерьям-одиночкам. Я тебе все позже объясню. А сейчас, мисс Климпсон, нам нужна ваша помощь в совсем другом деле.

Мисс Климпсон положила перед собой блокнот для деловых записей и обратилась в слух.

– Ваше участие в расследовании (если вы, конечно, согласитесь в нем участвовать) делится на две части. Первая, боюсь, довольно скучна. Я бы попросил вас отправиться в Сомерсет-хаус⁹ и просмотреть или попросить, чтобы они сами для вас просмотрели все свидетельства о смерти, выданные в Хэмпшире в ноябре двадцать пятого года. Я не знаю ни названия города, ни имени умершей. Вам следует искать свидетельство о смерти семидесятитрехлетней дамы, причина смерти – рак, непосредственная причина – внезапная остановка сердца; свидетельство подписано двумя врачами, одним из которых может быть либо чиновник службы здравоохранения, либо полицейский врач, медицинский сотрудник криминальной экспертизы, медицинский эксперт службы социального обеспечения, терапевт или хирург какой-нибудь крупной неспециализированной больницы; возможно, врач, назначенный администрацией крематория. В качестве предлога своего интереса можете указать сбор статистических данных по раковым больным, но на самом деле вас будут интересовать все указанные в свидетельстве имена и название города.

– А если окажется несколько подходящих случаев?

– Тут как раз вступает в силу вторая часть расследования, где нам понадобятся ваши незаурядные такт и проникательность. Когда вы соберете все вероятности, я попрошу вас объездить предполагаемые города и очень-очень искусно провести дознание, чтобы выяснить, какой из этих случаев наш. Разумеется, вы ничем не должны обнаружить, что проводите расследование. Вам нужно будет отыскать какую-нибудь доброжелательно настроенную и любящую посплетничать даму, живущую по соседству, и самым непринужденным образом разговорить ее. Придется сделать вид, будто вы и сами не прочь посудачить, – знаю, это не в вашем характере, но, уверен, вы сумеете немного слукавить и выведать все, что возможно. Полагаю, как только вы вычислите нужный город, это не составит для вас никакого труда, поскольку насчет этой смерти в нем было столько пересудов, что едва ли о ней скоро забудут.

– Как я узнаю, что это тот самый случай?

– Если у вас есть немного времени, я хотел бы, чтобы вы выслушали небольшую историю. Только, мисс Климпсон, когда найдете то, что нужно, вы должны сделать вид, будто никогда

⁹ Большое здание на берегу Темзы в Лондоне, в котором размещаются Управление налоговых сборов и некоторые другие государственные учреждения.

прежде ничего о ней слыхом не слыхивали. Впрочем, вас предупреждать об этом излишне. А теперь, Чарлз, твой выход: поскольку ты, как лицо официальное, умеешь излагать главное коротко и ясно, пожалуйста, поведай мисс Климпсон суть событий, которые так пространно и путанно описал нам вчера наш новый друг.

Собравшись с мыслями, мистер Паркер коротко пересказал мисс Климпсон историю доктора. Та слушала с огромным вниманием, делая в блокноте записи, касающиеся дат и некоторых подробностей. Паркер отметил, что, слушая, она очень цепко ухватывает главное и взгляд ее серых глаз светится умом; когда он закончил, она, задав несколько очень точных вопросов, повторила основные вехи поведанной ей истории, и Паркер, не удержавшись, поздравил ее со столь ясной головой и отличной памятью.

– Один мой старый добрый друг говорил, бывало, что из меня вышел бы очень хороший адвокат, – не без удовольствия ответила мисс Климпсон, – но, разумеется, во времена моей молодости девушки не имели таких возможностей учиться, как сейчас, мистер Паркер. Я бы хотела иметь хорошее образование, но мой дорогой отец не считал, что женщине оно необходимо. Вам, молодым людям, он наверняка показался бы очень старомодным.

– Не огорчайтесь, мисс Климпсон, – сказал Уимзи, – вы обладаете именно той квалификацией, которая нам нужна и которая крайне редко встречается, так что нам несказанно повезло. Итак, мы хотели бы, чтобы вы приступили к делу как можно скорее.

– Я немедленно отправлюсь в Сомерсет-хаус, – с большим энтузиазмом ответила дама, – и как только буду готова ехать в Хэмпшир, дам вам знать.

– Вот это правильно, – одобрил его светлость, вставая. – А нам пора поспешить и заняться своими делами. Ах да, совсем забыл: вам потребуются наличные на дорожные и прочие расходы. Думаю, лучше всего изображать удалившуюся на покой даму, не особенно стесненную в средствах, которая ищет тихое местечко, чтобы там обосноваться. Но и не слишком богатую – богатые люди не вызывают доверия. Наверное, лучше всего остановиться на восьмистах фунтах годовых – ваш безупречный вкус и опыт подскажут вам правильный выбор аксессуаров и прочего для создания соответствующего образа. Если позволите, я дам вам вперед чек на пятьдесят фунтов, а начав расследование, вы будете сообщать мне, сколько требуется, по ходу дела.

– Боже мой, – смутилась мисс Климпсон, – я не...

– Это исключительно деловое соглашение, – торопливо перебил ее Уимзи. – К тому же вы в своей обычной щепетильной манере будете предоставлять мне отчеты о расходах.

– Разумеется, – с достоинством ответила мисс Климпсон. – И я сейчас же дам вам расписку по всей форме. Ох-ох, – добавила она, роясь в сумке, – похоже, у меня нет марок по одному пенни. Какое упущение с моей стороны. У меня обычно всегда с собой книжечка марок – это так удобно, – но вчера вечером я одолжила миссис Уильямс последние: ей нужно было срочно послать письмо сыну в Японию. Простите, пожалуйста, я мигом...

– Думаю, у меня есть, – перебил ее Паркер.

– О, большое спасибо, мистер Паркер. Вот вам двухпенсовик. Я всегда слежу, чтобы у меня была мелочь – для газовой колонки в ванной, знаете ли. Очень разумная придумка: удобно и исключает любые недоразумения между жильцами по поводу горячей воды. Большое спасибо. Вот, ставлю на марках свою подпись. Кажется, так полагается, да? Мой дорогой отец очень удивился бы, увидев, какой деловой стала его дочь. Он всегда говорил, что женщине незачем вообще вникать в денежные дела, но времена так изменились, не правда ли?

Мисс Климпсон проводила их до нижнего этажа, многословно отклонив все их протесты, и закрыла за ними дверь.

– Можно спросить?.. – начал было Паркер.

– Это не то, о чем ты подумал, – серьезно ответил его светлость, не дав ему договорить.

– Ну, разумеется, – шутливо согласился Паркер.

– Послушай, у тебя извращенный ум. Оказывается, даже у ближайшего друга возникают тайные мыслишки, которые он не смеет высказать вслух.

– Кончай нести вздор. Кто такая эта мисс Климпсон?

– Мисс Климпсон, – ответил лорд Питер, – символ того, с какой расточительностью управляется наша страна. Возьмем электричество. Или гидроэнергию. Энергию приливов. Солнечную. Миллионы источников энергии выбрасывают ее на ветер каждую минуту. Миллионы старых дев, kloкочущих полезной энергией, в силу глупости нашей общественной системы транжируют ее попусту в водолечебницах, отелях, каких-то сообществах и пансионатах в качестве компаньонов, между тем как их восхитительная способность познавательно сплетничать и измеряемая миллионами единиц мощности пытливость пропадают втуне, а то и наносят вред обществу, пока деньги налогоплательщиков тратятся на оплату работы, для которой эти женщины самим Богом предназначены и которую неэффективно выполняют плохо приспособленные для нее полицейские вроде тебя. Господи! Вот о чем следовало бы радеть Джону Буллю!¹⁰ А вместо этого блистательные молодые люди в снисходительной манере кропают отвратительные книжонки, а всякие пьяницы сочиняют песенки об «этих несчастных созданиях».

– Да-да, – сказал Паркер. – Ты имеешь в виду, что мисс Климпсон для тебя кто-то вроде персонального частного детектива?

– Она – мои уши и язык, – театрально произнес лорд Питер, – а особенно – мой нос. Она задает вопросы, которые молодой мужчина не может задать, не покраснев. Она – ангел, проникающий туда, где дурака просто огреют палкой по голове. Она нюхом чует неладное. Словом, в своем деле она – специалист высшего класса.

– Тогда это неплохая идея.

– Разумеется. Она же моя, а следовательно, блестящая. Только подумай. Людям требуются ответы на вопросы. Кого они посылают их задавать? Здоровенного детину с огромными плоскими ступнями и блокнотом в руках, вечно бормочущего себе под нос что-то свое. А я посылаю даму с длинным шерстяным джемпером на спицах и звякающими подвесками на шее. Разумеется, она задает вопросы – от нее этого и ждут. Никто не удивляется. Никого это не настораживает. Ее так называемая словоохотливость кажется такой уютной и встречает доброжелательный отклик, который и приносит пользу делу. Когда-нибудь мне поставят памятник с надписью: «Человеку, который осчастливил тысячи одиноких женщин без ущерба для их добродетели и усилий со своей стороны».

– Болтал бы ты поменьше, – укоризненно сказал его друг. – А что это за машинописные отчеты? Ты что, на старости лет в филантропы подался?

– Нет-нет, – торопливо ответил Уимзи, подзывая такси. – Об этом я тебе позже расскажу. Небольшая частная операция по самострахованию на случай социалистической революции – когда она грянет. «На что ты тратил свое огромное богатство, товарищ?» – «Я покупал первые издания книг». – «Аристократ! На фонарь!» – «Стойте, пощадите меня! Я отдал под суд пятьсот ростовщиков, обиравших трудящихся!» – «Гражданин, ты сделал хорошее дело. Мы сохраним тебе жизнь. Ты получишь высокую должность ассенизатора». Вуаля! Надо шагать в ногу со временем. Гражданин таксист, отведи меня в Британский музей. Тебя подвезти, Чарлз? Нет? Тогда до встречи. Пока не накрылись старые времена, хочу полистать одну рукопись «Тристана» двенадцатого века.

Мистер Паркер в задумчивости сел в автобус, направлявшийся на запад, и поехал проводить рутинный, по традиционным правилам опрос среди женского населения Ноттинг-Дейла. Эта среда не казалась ему подходящей для полезного использования талантов мисс Климпсон.

¹⁰ Джон Буль – кличка, собирательный юмористический образ типичного английского обывателя, одна из персонификаций Великобритании.

Глава 4

Слегка не в себе

...и он все что-то бредил о зеленых лугах.
У. Шекспир. *Король Генрих V*¹¹

Письмо от мисс Александры Катерины Климпсон лорду Питеру Уимзи:

«Через миссис Гамильтон Бадж,
«Фэйрвью», Нельсон-авеню,
Лихэмптон, Хантс¹².
29 апреля 1927 г.

Мой дорогой лорд Питер,

надеюсь, Вы будете рады узнать, что после *первых моих двух холостых выстрелов* (!) я наконец нашла *нужное* место. Свидетельство о смерти Агаты Доусон – то, что мы искали, и жуткий скандал вокруг доктора Карра здесь все еще не утих, что, увы, не делает чести *человеческой натуре как таковой*. Мне повезло снять жилье прямо на улице, соседней с Беллингтон-авеню, где жила мисс Доусон. Моя хозяйка – милая женщина, хотя и *страшная сплетница*! Но это нам *на руку*! Плата за очень славную спальню и гостиную, с *полным пансионом* – 3,5 гиней в неделю. Надеюсь, вы не сочтете ее *чрезмерной*, поскольку все сложилось именно так, как Вы мне рекомендовали. Прилагаю подробный отчет о расходах до сего дня. Прошу прощения за упоминание о *белье*, которое, боюсь, *обошлось недешево*, но шерсть в наше время очень дорога, а необходимо, чтобы все предметы моей экипировки соответствовали моему (предполагаемому!) жизненному статусу. Я не преминула *выстирать* все покупки, чтобы они не выглядели *неношенными*, что могло бы показаться *подозрительным*!!!

Однако Вам наверняка не терпится, чтобы я (прошу простить мне вульгарное выражение) «перестала кудахтать и перешла к делу» (!). На следующий после приезда день я сообщила миссис Бадж, что сильно страдаю от *ревматизма* (что чистая правда: печальное наследие, увы, оставленное мне предками – *любителями портвейна*!), и спросила, какие *врачи* практикуют поблизости. Тут же последовал *длинный список* врачей, а также *восторженный панегирик* песчаным почвам и благоприятному географическому положению города. Я сказала, что предпочитаю *пожилого* доктора, поскольку молодым людям, на мой взгляд, *нельзя доверять*. Миссис Бадж от души согласилась со мной и – в результате моих осторожных расспросов – изложила *всю историю* болезни мисс Доусон и «шашней» (как она выразилась) доктора Карра *с сиделкой*! «Та, первая сиделка никогда не вызывала у меня доверия, – сказала миссис Бадж, – хотя должна была бы, при ее квалификации, полученной в больнице Гая¹³. Хитрая рыжая *бестия*, и, если хотите знать, вся суета доктора Карра вокруг мисс Доусон, его постоянные визиты к ней по несколько раз в

¹¹ Действие II, сцена III. Пер. А. Ганзен.

¹² Сокр. от Hampshire – графство Хэмпшир.

¹³ Больница Гая и Святого Томаса – большая научно-исследовательская и учебная больница в Центральном Лондоне.

день – все это было ради любовных встреч с сестрой Филлитер. Неудивительно, что мисс Уиттакер не могла этого больше терпеть и дала девице расчет – по мне, так ей следовало сделать это раньше. Ставший после этого гораздо менее внимательным доктор Карр до последней минуты притворялся, будто с пожилой дамой все в порядке, между тем как мисс Уиттакер прямо накануне ее смерти сказала, что, по ее предчувствию, той скоро не станет».

Я спросила, знакома ли миссис Бадж с мисс Уиттакер лично. Мисс Уиттакер, как Вы догадываетесь, – та самая *племянница*. «Лично – нет», – ответила миссис Бадж, хотя встречалась с ней на разных общественных мероприятиях и в доме викария. Но она знала о ней все, потому что ее служанка и служанка мисс Доусон оказались сестрами. Ну, не счастливое ли *совпадение* – вы же знаете, как *болтливы* эти девицы!

Я также осторожно навела справки насчет викария, мистера Тредгоулда, и с радостью узнала, что он проповедует истинную католическую доктрину, так что я со спокойной совестью смогу посещать церковь (Св. Онисима), не оскверняя своих религиозных убеждений, чего я не смогла бы сделать даже ради Вас. Не сомневаюсь, что Вы бы это поняли. Но, к счастью, все сложилось наилучшим образом, и я написала своему доброму другу, приходскому священнику церкви Св. Эдфрита в Холборне, попросив его представить меня мистеру Тредгоулду. Таким образом, я рассчитываю познакомиться с мисс Уиттакер в ближайшее время, поскольку она, по слухам, является кем-то вроде «столпа местного прихода»! Надеюсь, это не грех – использовать Церковь Божию в мирских интересах; но ведь, в конце концов, Вы лишь стремитесь установить Истину и Справедливость! – а ради такой благой цели мы можем, наверное, позволить себе чуточку ИЕЗУИТСТВА!!!

Это все, что мне *пока* удалось сделать, но я не собираюсь бездельничать и напишу Вам снова, как только у меня появится *что Вам сообщить*. Кстати, почтовый ящик очень удачно расположен *прямо на углу* Веллингтон-авеню, так что мне не составит труда выбегать и опускать в него письма к Вам *собственноручно* (без любопытных глаз!!!) – а заодно и бросать беглый взгляд на «Дубраву», так называется дом *мисс Доусон* – теперь дом *мисс Уиттакер*.

Искренне Ваша,

Александра Катерина Климпсон».

Миниатюрная рыжеволосая медсестра окинула посетителя быстрым, не сказать чтобы приветливым взглядом.

– Не беспокойтесь, – произнес он извиняющимся тоном, – я пришел не для того, чтобы продать вам мыло или граммофон, просить денег или уговаривать сделать взнос в пользу «Древнего ордена сдувателей пены»¹⁴ или еще какой-нибудь благотворительной организации. Я – лорд Питер Уимзи, это действительно мой титул, а не прозвище, как «лорд Джордж» у основателя Цирка Сангера, или христианское имя, как у Эрла Дерра Биггера¹⁵. Я хотел бы задать вам несколько вопросов, и, боюсь, мне нечем оправдать свое вторжение. Вы читаете «Мировые новости»?

¹⁴ Существовавшая в 1924–1931 гг. британская юмористическая благотворительная организация, созданная с целью «способствовать развитию этого благородного искусства и здоровому времяпрепровождению джентльменов без определенных занятий и бывших солдат»; основана Бертом Темплом, бывшим солдатом и торговцем шелком, первоначально для сбора денег в пользу детских благотворительных организаций хирурга сэра Альфреда Фриппа.

¹⁵ Earl (*англ.*) – граф. Эрл Дерр Биггерс – американский писатель и драматург, автор серии романов о китайском детективе с Гонолулу Чарли Чане.

Сестра Филлитер решила, что ее хотят нанять для ухода за душевнобольным и что этот самый пациент пришел лично, чтобы расположить ее к себе.

– Иногда, – ответила она осторожно.

– О, отлично, тогда, быть может, вы заметили, что мое имя в последнее время мелькает в информации о расследованиях некоторых убийств. Я, знаете ли, сыщик. Любитель. Безобидный выход для врожденной любознательности, которая, загони я ее внутрь, могла бы привести к излишнему самокопанию и, не дай бог, самоубийству. Очень естественное, здоровое занятие – не требующее излишнего напряжения и спасающее от сидячего образа жизни, к тому же дает пищу для ума и тренирует мозг.

– А, теперь я понимаю, кто вы, – медленно произнесла сестра Филлитер. – Вы... выступали свидетелем по делу сэра Джулиана Фреке. В сущности, это вы доказали его причастность к убийству, не так ли?

– Да, я, и это было крайне неприятно, – ответил лорд Питер. – А сейчас я занимаюсь другим небольшим делом того же рода, и мне нужна ваша помощь.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала сестра Филлитер и сама опустилась в кресло, подавая ему пример. – И какое же я имею отношение к вашему делу?

– Вы ведь знакомы с доктором Эдвардом Карром, работавшим в Лихэмптоне, – честным, но немного неблагоприятным в житейских вопросах человеком, не только лишенным змеиного коварства, как сказано в Библии, а даже наоборот.

– Что?! – вскричала девушка. – Значит, вы верите в то, что это было убийство?

Лорд Питер несколько секунд молча смотрел на медсестру. Ее лицо оживилось, глаза под густыми прямыми бровями загорелись любопытством. У нее были выразительные ладони, довольно крупные, с сильными ровными пальцами. Он заметил, как девушка вцепилась в подлокотники кресла.

– Пока не имею об этом ни малейшего понятия, – небрежно ответил он, – но мне интересно ваше мнение.

– Мое?.. – Сестра осеклась. – Знаете, мне не положено делиться мнением о делах моих подопечных.

– Вы уже поделились им со мной, – заметил его светлость с усмешкой. – Хотя, наверное, мне следует учесть вашу неизбежную предвзятость в пользу диагноза, поставленного доктором Карром.

– Что ж, возможно... но это не просто личное... Я имею в виду то, что мы с доктором Карром были помолвлены, никак не повлияло на мое суждение об онкологическом диагнозе мисс Доусон. Я работала вместе с доктором в нескольких аналогичных случаях и знаю, что его профессиональные выводы заслуживают доверия – в отличие от его водительских навыков.

– Ясно. Значит, как я понимаю, если он говорит, что смерть была необъяснимой, так оно и было. С этим разобрались. А теперь – что касается самой дамы. Насколько я знаю, она к концу была немного не в себе – крыша у нее поехала, как в народе говорится?

– Я бы так не сказала. Разумеется, под действием морфия она впадала в бессознательное или, скорее, полусознательное состояние на несколько часов. Но на тот момент, когда я с ней рассталась, она, на мой взгляд, пребывала во вполне здоровом уме. Просто она и в лучшие свои времена была упрямой и, что называется, с характером.

– Но доктор Карр говорил мне, что ее посещали странные фантазии – будто ее хотят отравить?

Рыжеволосая медсестра в нерешительности теребила пальцами подлокотники кресла.

– Чтобы успокоить вашу профессиональную совесть, – добавил лорд Питер, понимая, чем именно она смущена, – могу сообщить: мой друг детектив-инспектор Паркер расследует это дело вместе со мной, что дает мне некоторое право задавать подобные вопросы.

– В таком случае... Да, в таком случае, думаю, я могу ответить. Я никогда не могла понять, откуда у нее возникла мысль об отравлении, и никогда не замечала с ее стороны ничего такого – ни неприязни ко мне, ни страха. Как правило, пациент, если у него есть подозрения относительно сиделки, выказывает это. Бедная мисс Доусон всегда была исключительно добра и ласкова со мной. Когда я уезжала, она поцеловала меня, сделала маленький подарок и сказала, что ей жаль расставаться.

– Она не проявляла признаков нервозности, когда вы ее кормили?

– В последнюю неделю мне запретили ее кормить. Мисс Уиттакер заявила, будто у ее тетушки возникла эта нелепая идея, поэтому она будет кормить ее сама.

– О! Это очень интересно. Значит, первой, кто упомянул при вас о чудачестве мисс Доусон, была мисс Уиттакер?

– Да. И она попросила ничего не говорить об этом ее тетушке, чтобы не волновать ее.

– А вы говорили?

– Нет. Я бы и без предупреждения ничего не сказала пациентке. Это непрофессионально.

– Кому-нибудь еще мисс Доусон высказывала свои опасения? Доктору Карру, например.

– Нет. По словам мисс Уиттакер, ее тетя боялась и доктора тоже, потому что вообразила, будто он в сговоре со мной. Разумеется, распространившиеся впоследствии неприятные слухи придали особую окраску этой истории. Не исключено, что она заметила, как мы смотрим друг на друга или шепчемся в сторонке, и ей пришло в голову, будто мы строим заговор.

– А что насчет служанок?

– К тому времени в доме были новые служанки, вероятно, она не хотела говорить об этом с ними, и в любом случае я бы не стала обсуждать свою пациентку с ее прислугой.

– Безусловно. А почему ушли старые служанки? Сколько их было? Они ушли одновременно?

– Ушли две. Они были сестрами. Одна прослыла «грозой фарфора», и после очередной разбитой тарелки мисс Уиттакер уволила ее, а сестра ушла вместе с ней.

– Ну, ясное дело! Кому понравится смотреть, как твой бесценный краун-дерби¹⁶ разлетается по полу осколками! Стало быть, это не имело никакого отношения... то есть это случилось не из-за...

– Нет, это случилось не потому, что они не ладили с сиделкой, если вы это имеете в виду, – с улыбкой сказала сестра Филлитер. – Они были очень услужливыми девушками, хотя и не слишком смыслеными.

– Понятно. А не можете ли вы припомнить, не случилось ли чего-нибудь странного, из ряда вон выходящего, что могло бы пролить свет на эту историю? Кажется, имел место визит нотариуса, который сильно взволновал пациентку. Это было при вас?

– Нет, я только слышала об этом от доктора Карра. Да и он не знал ни имени нотариуса, ни зачем тот приезжал, вообще никаких подробностей.

– Жаль, – сказал лорд Питер. – Я возлагал большие надежды на сведения о нотариусе. Есть нечто зловеще-магическое в нотариусах, которые появляются неожиданно, с маленьким портфельчиком, вызывают всеобщий переполох своими таинственными совещаниями с доверителем и уходят, предупредив, чтобы в случае срочной необходимости за ними немедленно послали, не правда ли? Если бы не этот нотариус, я, возможно, и не отнесся бы к медицинскому заключению доктора Карра с тем уважением, коего оно заслуживает. Полагаю, он больше не появлялся и не писал?

¹⁶ Знаменитый бренд дорогого фарфора (Royal Crown Derby), имеющий 250-летнюю историю, традиции его изготовления передаются из поколения в поколение специалистами на заводе в г. Дерби.

– Не знаю. Пойдите. Я кое-что вспомнила. Однажды, когда у мисс Доусон случилось что-то вроде приступа истерики, она сказала... что же она сказала?.. Ах, да: что ее пытаются свести в могилу раньше времени.

– Когда это было?

– Ну, недели за две до моего ухода. Мисс Уиттакер зашла к ней с корреспонденцией, полагаю, и еще с какими-то бумагами, которые надо было подписать, и, похоже, это страшно расстроило мисс Доусон. Я как раз вернулась с прогулки и застала ее в ужасном состоянии. Служанки могли бы вам рассказать об этом больше, чем я, потому что как раз вытирали пыль на лестничной площадке и слышали, как она разошлась, поэтому бросились вниз, чтобы привести меня. Естественно, я не спрашивала их, что же там произошло, – сиделке не пристало сплетничать с прислугой за спиной своих нанимателей, – а мисс Уиттакер сказала, что ее тетушка получила какое-то неприятное известие от своего поверенного.

– Да, похоже, здесь что-то есть. Вы помните, как звали горничных?

– Как же их звали? Какая-то забавная у них была фамилия... ах, да – Гоутубед¹⁷. Берга и Ивлин Гоутубед. Я не знаю, куда они уехали, но вы наверняка сумеете это выяснить.

– Еще один, последний вопрос, и я хочу, чтобы, отвечая на него, вы забыли о христианском благодушии и законе о клевете. Что представляет собой мисс Уиттакер?

По лицу сиделки пробежало какое-то не поддававшееся определению выражение.

– Высокая, красивая, с очень решительными манерами, – начала она, словно бы стараясь помимо собственной воли отдать должное мисс Уиттакер, – очень компетентная сиделка – вы, наверное, знаете, что до переезда к своей тете она работала в Королевской общедоступной больнице. Мне кажется, что она – идеальный сценический образ медсестры. Она меня не любила, так же, как и я ее – лучше мне заявить вам это с самого начала, чтобы вы ко всему, что я о ней скажу, добавили от себя немного благожелательности, – но мы обе были способны с первого взгляда распознать умелый медицинский уход и уважали друг друга.

– А с чего бы ей вас недолюбливать, мисс Филлитер? Простите меня за откровенность, но я уж и не припомню, когда встречал такого приятного человека, как вы.

– Не знаю. – Сиделка явно немного смутилась. – И, похоже, неприязнь ко мне у нее только росла. Вы, вероятно, слышали... ну, о чем судачили в городе? После того как я уехала. Что доктор Карр и я... О, это было ужасно, и я по возвращении сюда имела пренеприятнейший разговор со старшей медсестрой. Так вот, эти слухи наверняка распространяла мисс Уиттакер. Больше никому.

– Но ведь вы были помолвлены с доктором Карром, разве не так? – деликатно заметил его светлость. – Имейте в виду, я не считаю, будто это что-то плохое, но...

– Но она утверждала, что я из-за этого пренебрегаю своими обязанностями по отношению к пациентке, чего я никогда бы не допустила. Мне бы такое даже в голову не пришло.

– Разумеется, нет. А вы не думаете, что для нее сам по себе факт вашей помолвки был обидным? Кстати, сама мисс Уиттакер когда-нибудь была с кем-нибудь помолвлена?

– Нет. Вы имеете в виду, не ревновала ли она? Я уверена, что доктор Карр никогда не давал ни малейшего, повторяю, ни малейшего повода...

– О, прошу вас, – воскликнул лорд Питер, – пожалуйста, что вы так взъерошились? Какое славное слово, кстати – взъерошиться, словно речь идет о котенке, пушистом и миллом. Но пусть даже без малейшего повода со стороны доктора Карра... он ведь очень привлекательный мужчина. Вы не думаете, что в этом могла быть причина?

– Поначалу мне это тоже пришло в голову, – призналась мисс Филлитер, – однако после того, как мисс Уиттакер доставила ему столько неприятностей из-за вскрытия, я отвергла эту мысль.

¹⁷ Go to bed (англ.) – иди спать.

– Так ведь она не возражала против вскрытия?

– Не возражала. Но есть такая вещь, как стремление утвердить свою правоту в глазах соседей, лорд Питер, а потом обсуждать все это на посиделках в доме викария. Я туда не ходила, но вы спросите у тех, кто там бывает. Знаю я их чаепития.

– Что ж, это не исключено. Люди бывают очень язвительны, если считают, что ими пренебрегли.

– Возможно, вы правы, – задумчиво произнесла сестра Филлитер. – Однако, – вдруг добавила она, – это не может служить мотивом убийства совершенно невинной старой дамы.

– Вы уже второй раз произносите это слово, – серьезно сказал Уимзи. – Нет никаких доказательств того, что это убийство.

– Я знаю.

– Но думаете, что все же оно?

– Да.

– И считаете, что это она убила?

– Да.

Лорд Питер пересек помещение, подошел к фикусу, стоявшему в эркерном проеме, и задумчиво провел пальцами по его листьям. Молчание было нарушено пышногрудой медсестрой, которая стремительно ворвалась в комнату и, лишь потом постучав, с усмешкой объявила:

– Я, конечно, прошу прощения, но на вас сегодня большой спрос, Филлитер. К вам доктор Карр.

Не успела она произнести имя, как появился сам доктор Карр, при виде Уимзи лишившийся дара речи.

– Я же говорил, что объявлюсь еще до конца недели, – весело сказал лорд Питер. – Шерлок – мое имя, Холмс – моя натура. Очень рад видеть вас, доктор Карр. Ваше дельце под контролем, и, если я здесь больше не нужен, полечу-ка я пчелкой им заниматься.

– Как он здесь оказался? – с явным неудовольствием спросил доктор Карр.

– А разве не ты его прислал? По-моему, он очень мил, – сказала сестра Филлитер.

– Он безумный, – ответил доктор Карр.

– Он просто умный, – возразила рыжеволосая медсестра.

Глава 5 Сплетни

*И этот вечный гомон болтовни.
С. Батлер. Гудибрас*

– Значит, вы подумываете о том, чтобы поселиться в Лихэмптоне, – сказала мисс Мергатройд. – Очень мило. Надеюсь, вы приживетесь в нашем приходе. У нас не так много людей бывает на службах по будням – такое равнодушие теперь царит кругом, да еще этот протестантизм. Ох! Петлю пропустила. Какая досада! Наверное, это мне знак: не отзываться предосудительно о протестантах. Все в порядке – я ее подхватила. А где вы думаете искать дом, мисс Климпсон?

– Да вот не знаю, – ответила мисс Климпсон. – Арендная плата в наше время так высока, а купить дом, боюсь, мне будет не по карману. Надо не спеша осмотреться и обдумать вопрос всесторонне. Я бы, конечно, предпочла присоединиться к этому приходу и поселиться по возможности ближе к церкви. Может быть, викарий знает, нет ли тут чего подходящего?

– О, он, безусловно, сможет вам что-нибудь посоветовать. Тут такая приятная для жизни округа. Уверена, вам понравится. Пойдите-ка, кажется, миссис Тредгоулд говорила, что вы сейчас живете на Нельсон-авеню?

– Да, у миссис Бадж, в ее «Фэйрвью».

– Уверена, что она вас хорошо устроила. Очень славная женщина, только не замолкает ни на минуту. У нее никаких идей по поводу вашего жилья нет? Не сомневаюсь: если какие-то новости на этот счет появились, мимо миссис Бадж они не прошли.

– Ну, – начала мисс Климпсон, оценив открывшуюся возможность со скоростью, которая сделала бы честь и Наполеону, – она говорила что-то насчет дома на Веллингтон-авеню, который, как она считает, вероятно, вскоре будет сдаваться в аренду.

– На Веллингтон-авеню? Вы меня удивили! Мне казалось, что я здесь знаю всех. Может, это Парфитты наконец взаправду переезжают? Они говорят об этом уже лет семь, и я, признаться, начала думать, что все это только разговоры. Миссис Писгуд, вы слышали? Мисс Климпсон говорит, что Парфитты наконец-то действительно уезжают!

– Бог ты мой! – воскликнула миссис Писгуд, поднимая свои слегка выпученные глаза от какого-то рукоделия и направляя взгляд, словно театральные бинокли, на мисс Климпсон. – Вот это новость. Наверное, это из-за ее брата, который гостил у них на прошлой неделе. Видимо, он собирается жить теперь вместе с ними, и это, конечно, все объясняет: в таком случае им не обойтись без еще одной спальни, когда девочки вернутся из школы. Очень разумное решение, я бы сказала. Насколько я знаю, он вполне состоятелен, и для детей так будет гораздо лучше. Интересно, куда они переедут? Вероятно, в один из тех новых домов на Уинчестер-роуд, хотя тогда им непременно придется обзавестись машиной. Впрочем, думаю, он в любом случае захочет, чтобы они ее купили. А скорее купит ее сам и позволит им ею пользоваться.

– Не думаю, что речь шла о Парфиттах, – поспешно вставила мисс Климпсон. – Даже точно – нет. Это была какая-то мисс... миссис Бадж упоминала, кажется, некую мисс Уиттакер.

– Мисс Уиттакер?! – в унисон воскликнули обе дамы. – Не может быть. Вы уверены?

– Не сомневаюсь, что мисс Уиттакер сказала бы мне, если бы собралась переезжать, – заявила мисс Мергатройд. – Мы с ней большие друзья. Думаю, миссис Бадж что-то не так поняла. Люди порой придумывают бог знает что на пустом месте.

– Я бы не была столь категорична, – укоризненно возразила миссис Писгуд. – В этом может что-то быть. Мисс Уиттакер не раз говорила мне, что хотела бы приобрести птицеферму.

Осмелюсь предположить, что она не распространялась об этом направо и налево, но мне она всегда доверяла. Так что, вполне вероятно, именно это она и хочет сделать.

– Миссис Бадж не говорила, что мисс Уиттакер уезжает, – торопливо поправилась мисс Климпсон. – Она только сказала, кажется, что после смерти какой-то родственницы мисс Уиттакер осталась одна, и она, миссис Бадж, не удивилась бы, если бы той стало одиноко в опустевшем доме.

– Ох уж эта миссис Бадж! – заметила миссис Писгуд, многозначительно качая головой. – Чудесная женщина, но иногда все истолковывает превратно. Хотя такая мысль и мне приходила в голову. Я только на днях сказала бедняжке Мэри Уиттакер: «Не одиноко ли вам в этом доме, дорогая, теперь, когда не стало вашей дорогой тетушки?» Уверена, ей пошло бы на пользу, если бы она куда-нибудь переехала или взяла кого-нибудь к себе пожить. Неестественно для молодой женщины оставаться совершенно одной, так я ей и сказала. Я, знаете ли, мисс Климпсон, из тех, кто предпочитает говорить начистоту.

– О, я тоже, миссис Писгуд, – подхватила мисс Климпсон, – именно это я и сказала тогда миссис Бадж. «Правильно ли я понимаю, что было нечто странное в смерти пожилой дамы?» – спросила я ее, потому что она упомянула о каких-то особых обстоятельствах, а мне, видите ли, совсем не хотелось бы жить в доме, о котором идет дурная слава, я бы чувствовала себя в нем весьма неуютно. – Последнюю фразу она произнесла совершенно искренне.

– Да нет же, ничего подобного! – воскликнула мисс Мергатройд с таким энтузиазмом, что миссис Писгуд, которая замолчала лишь на секунду, чтобы сменить выражение лица и напустить на себя зловещую таинственность, прежде чем ответить на вопрос, оказалась отнесенной на обочину разговора. – Это просто ужасная история. Смерть была естественной, совершенно естественной, и для бедняжки больной она стала счастливым избавлением от страданий, которые в последние дни были невыносимыми. Скандал вокруг всей этой истории молодой доктор Карр (который, признаться, никогда мне не нравился) раздул просто для того, чтобы придать себе больше веса. Как будто какому-то врачу дано точно назвать день, когда Господу будет угодно призвать страдальца к себе! Гордыня и тщеславие человеческие могут иметь самые шокирующие последствия, мисс Климпсон, когда они бросают тень подозрения на невинных людей только из-за нашей приверженности предвзятым суждениям.

– Ну, на этот счет может существовать и другое мнение, мисс Мергатройд, – произнесла миссис Писгуд. – Выскажу то, что думаю я, мисс Климпсон: с моей точки зрения, тут необходимо расследование. Я стараюсь не отставать от времени и считаю, что доктор Карр – очень способный молодой человек, хотя, конечно, он не похож на старомодного семейного врача, каких любят пожилые люди. Очень жаль, что уволили милую сестру Филлитер, – эта новенькая Форбс оказалась сплошной головной болью, как выражается мой брат. Не думаю, что она хорошо знала свое дело.

– Сиделка Форбс была очаровательной женщиной, – вскинулась мисс Мергатройд, покраснев от негодования за то, что ее причислили к пожилым людям.

– Может, конечно, и так, – огрызнулась миссис Писгуд, – но как быть с тем фактом, что она чуть не убила себя однажды, по ошибке приняв девять гранул каломели вместо трех? Она сама мне об этом рассказывала. А если она сделала это один раз, могла сделать и второй.

– Но мисс Доусон не давали пить никаких лекарств, – возразила мисс Мергатройд. – И уж во всяком случае, сестра Форбс все свое внимание посвящала пациентке, а не флиртowała с врачом. Я всегда считала, что доктор Карр затаил на нее злобу из-за того, что она заняла место его подруги, и ничто не доставило бы ему большего удовольствия, чем навлечь на нее неприятности.

– Вы хотите сказать, – вставила мисс Климпсон, – что он отказался подписывать свидетельство о смерти и поднял всю эту бучу только для того, чтобы досадить новой сиделке? Уверена, что ни один врач не пошел бы на это.

– Разумеется, нет, – согласилась миссис Писгуд, – и никому, кто имеет хоть каплю здравого смысла, такое ни на минуту и в голову не пришло бы.

– Ну, премного вам благодарна, миссис Писгуд! – воскликнула мисс Мергатройд. – Большое спасибо. Не сомневаюсь, что...

– Я говорю то, что думаю, – отчеканила миссис Писгуд.

– Тогда я чрезвычайно рада, что у меня нет таких немилосердных мыслей, – ответила мисс Мергатройд.

– Не сказать чтобы ваши собственные мысли отличались таким уж милосердием, – парировала миссис Писгуд.

К счастью, в этот момент мисс Мергатройд, разволновавшись, резко взмахнула рукой, и с зажатой в ней спицы соскользнуло сразу двадцать девять петель. Жена викария, издали почуявшая, что назревает ссора, предприняла отвлекающий маневр, поспешив к ним с блюдом коржиков. Мисс Климпсон, упрямо претворяя в жизнь свою миссию, и ей подкинула тему дома на Веллингтон-авеню.

– Ну, я-то ничего об этом не знаю, – сказала миссис Тредгоулд, – но только что появилась сама мисс Уиттакер. Пойдемте со мной, я вам ее представлю, и вы лично сможете с ней поговорить. Уверена, вы друг другу понравитесь, она у нас такая труженица. О, миссис Писгуд, мой муж очень хочет посоветоваться с вами насчет собрания церковного хора мальчиков. Они как раз обсуждают сейчас это с миссис Файндлейтер. Не будете ли вы любезны присоединиться к ним и поделиться своим мнением? Мой муж очень его ценит.

Таким образом милая дама тактично развела спорщиц и, благополучно поместив миссис Писгуд под крыло викария, подвела мисс Климпсон к креслу возле чайного стола.

– Дорогая мисс Уиттакер, хочу познакомить вас с мисс Климпсон. Она – ваша ближайшая соседка, пока временно живет на Нельсон-авеню. Надеюсь, вы уговорите ее поселиться среди нас.

– Это было бы восхитительно, – ответила мисс Уиттакер.

Первым впечатлением мисс Климпсон от встречи с мисс Уиттакер было ощущение, что та абсолютно не вписывается в собравшуюся на чаепитие компанию прихожан Святого Онисима. С ее красивыми, резко очерченными чертами лица и властным видом, эта женщина куда уместнее смотрелась бы в каком-нибудь офисе в Сити. Она отличалась приятными сдержанными манерами; ее элегантный костюм был сшит не то чтобы на манер мужского, но все же с тем строгим изяществом, которое скрадывало волнующую женственность красивой фигуры. Имея долгий и грустный опыт наблюдения над несостоявшимися женскими судьбами, унылая череда которых проходила перед ней в дешевых пансионатах, мисс Климпсон сразу же отмела мысль, начавшую смутно складываться у нее в голове. Перед ней была отнюдь не страстная натура, втиснутая обстоятельствами в образ стареющей женщины и стремящаяся освободиться от него, чтобы найти себе пару, пока молодость еще не ушла. Такой тип мисс Климпсон знала прекрасно и могла диагностировать его с убийственной точностью с первого взгляда, по тону, которым произносили: «Рада познакомиться». Встретив взгляд ясных светлых глаз Мэри Уиттакер из-под красиво очерченных бровей, она испытала острое чувство узнавания – правда, иного рода. Этот взгляд она уже видела, хотя не могла сразу вспомнить, где и когда. Непринужденно болтая о своем приезде в Лихэмpton, знакомстве с викарием, преимуществах хэмпширского воздуха и песчаных почв, мисс Климпсон напрягала свой проницательный ум, пытаясь найти ответ. Однако воспоминание упрямо не желало выходить из тени где-то на периферии сознания. «Оно всплывет ночью, – заверила себя мисс Климпсон, – а пока не стоит заговаривать о доме; при первом знакомстве это может показаться слишком напористым».

Но последовать этому благоразумному решению ей тут же помешала сама судьба, и весь эффект от дипломатии мисс Климпсон чуть не оказался сорван одним махом.

На сей раз мстительные эринии приняли обличье юной экзальтированной мисс Файндлейтер, которая оживленно подлетела к ним со стопкой пеленок в руках и плюхнулась на край дивана рядом с мисс Уиттакер.

– Мэри, дорогая! Почему ты мне не сказала? Оказывается, ты всерьез собираешься заняться разведением кур. Я понятия не имела, что ты так далеко зашла в своих планах. Как могло случиться, что я узнаю об этом от посторонних? Ты обещала все рассказывать мне первой.

– Но я и сама этого не знала, – холодно ответила мисс Уиттакер. – Интересно, кто пустил этот удивительный слух?

– Как же, миссис Писгуд сказала, что она слышала от... – Мисс Файндлейтер осознала, что оказалась в затруднительном положении. Она еще не была представлена мисс Климпсон и не могла сообразить, как назвать ее в ее присутствии. «Эта дама» говорят только продавщицы в магазинах; «мисс Климпсон» тоже не подходило, поскольку официально она как бы еще не знала ее имени; сказать «новая постоялица миссис Бадж» в сложившейся ситуации было невозможно. Мисс Файндлейтер запнулась, а затем, бросив лучезарный взгляд на мисс Климпсон, завершила фразу: – ...Нашей новой помощницы. Позвольте мне представиться. Я так ненавижу формальности, но ведь принадлежность к сообществу приходских волонтеров – это уже своего рода знакомство, вы согласны? Вы, как я понимаю, мисс Климпсон? Рада знакомству. Мэри, это правда, что ты сдаешь дом мисс Климпсон и открываешь птицеферму в Элфорде?

– Насколько мне известно, нет. Мы с мисс Климпсон только что впервые встретились. – Тон мисс Уиттакер предполагал, что эта первая встреча может оказаться и последней, если это будет зависеть от нее.

– О, дорогая! – воскликнула юная мисс Файндлейтер, белокурая, коротко стриженная и по-детски веселая. – Похоже, я совершила промах. Мне показалось со слов миссис Писгуд, что это решенный вопрос. – Она вопросительно посмотрела на мисс Климпсон.

– Вовсе нет! – горячо возразила та. – Боже, что подумает обо мне мисс Уиттакер?! Разумеется, я не могла сказать ничего подобного. Я лишь упомянула невзначай, что ищу – даже скорее *собираюсь* поискать – дом в окрестностях церкви... Чтобы удобно было ходить на ранние службы и дни святых, и кто-то предположил – только *предположил*, я даже забыла кто, – что вы, возможно (всего лишь *возможно*), когда-нибудь подумаете о том, чтобы сдать дом. Уверяю вас, вот и все. – В своем изложении событий мисс Климпсон не слишком лицемерила, хотя была и не совсем точна, весьма иезуитски оправдываясь перед собственной совестью, что при той ответственности, которая на ней лежит, лучше всего занять позицию, ведущую к миру. – Мисс Мергатройд, – добавила она, – тут же поправила меня, сказав, что вы, *конечно же*, ни о чем подобном не помышляете, поскольку сообщили бы ей об этом первой.

Мисс Уиттакер рассмеялась.

– С какой стати? – сказала она. – Первому я сказала бы об этом моему агенту по недвижимости. Вообще-то, такая мысль у меня действительно была, но я не предпринимала пока никаких шагов.

– Значит, ты все-таки подумываешь об этом? – воскликнула мисс Файндлейтер. – О, надеюсь, что так, потому что в этом случае я попрошу тебя найти мне работу на твоей ферме! Я просто мечтаю сбежать от всех этих дурацких теннисных партий и всего такого прочего и поселиться на земле, поближе к исконным ценностям жизни. Вы читали Шейлу Кей-Смит?¹⁸

Мисс Климпсон призналась, что не читала, но очень любит Томаса Харди.

– Жить в таком городе, как этот, просто ужасно, – не умолкала мисс Файндлейтер. – Тут слишком много, знаете ли, фикусов и сплетен. Вы даже представить себе не можете, мисс

¹⁸ Английская писательница, известная своими многочисленными романами, действие которых происходит в английской сельской провинции.

Климป์сон, как любят позлословить в Лихэмптоне. Уж ты-то, Мэри, дорогая, ощутила это на себе как никто. Чего только не говорили люди с подачи этого надоедливого доктора Карра. Неудивительно, что тебе хочется избавиться от этого дома. Не думаю, что ты смогла бы когда-нибудь снова почувствовать себя в нем уютно.

– Да почему же? – беспечно произнесла мисс Уиттакер. Не слишком ли беспечно? В ее взгляде и голосе мисс Климป์сон сразу распознала инстинктивную защитную реакцию обделенной вниманием старой девы, которая старается всех убедить, будто никакие мужчины ей не нужны.

– Ну, мне всегда казалось, что печально жить там, где кто-то умер, – пояснила мисс Файндлейтер. – Милая мисс Доусон... хотя для нее, в сущности, это было милосердным избавлением от мук... но тем не менее...

Она явно старается свернуть тему, подумала мисс Климป์сон. Атмосфера подозрительности, окружавшая смерть старой дамы, ей хорошо памятна, но она боится ворошить ее.

– Мало есть на свете домов, в которых никто бы никогда не умирал, – сказала мисс Уиттакер. – Не понимаю, почему людей это должно беспокоить. Думаю, надо просто научиться не думать об этом. Нас ведь не трогают прошлые жизни людей, которых мы не знали. Так же как эпидемии и несчастные случаи, происходящие где-то далеко от нас. Кстати, мисс Климป์сон, вам не кажется, что эта китайская история может иметь последствия? Похоже, тут все относится к ней слишком беззаботно. Если бы подобные бунтарские и большевистские настроения охватили Гайд-Парк, шуму было бы куда больше.

Мисс Климป์сон ответила так, как от нее ожидали. А вечером написала лорду Питеру:

«Мисс Уиттакер пригласила меня на чай. Она заявила, что, как бы она ни любила активную сельскую жизнь с определенными обязанностями, она испытывает глубокую привязанность к дому на Веллингтон-авеню и не может заставить себя с ним расстаться. Похоже, она очень старается создать именно такое впечатление. Надеюсь, не будет несправедливым с моей стороны сказать, что «Мне кажется, королева наобещала слишком много»¹⁹. Принц Датский даже мог бы добавить: «Шапка горит только на воре»²⁰, – уж не знаю, позволительно ли так выразиться о даме. Какое же чудо этот Шекспир! У него всегда, на любой случай можно найти цитату».

¹⁹ У. Шекспир «Гамлет», акт III, сцена II. Пер. А. Кронеберга.

²⁰ Там же.

Глава 6

Найдена мертвой

Кровь временами засыпает, но никогда не умирает.
Дж. Чапмен. Вдовьи слезы

– Послушай, Уимзи, по-моему, ты сел в лужу, – заметил мистер Паркер. – Не вижу ни малейшего повода предполагать, будто в смерти этой женщины, Доусон, было что-то подозрительное. У тебя ведь ничего нет, кроме личного мнения тщеславного врача и кучи глупых сплетен.

– А у тебя формальный склад ума, Чарлз, – ответил ему друг. – Твоя профессиональная страсть к доказательствам постепенно иссушает твой блестящий интеллект и подавляет интуицию. Ты слишком цивилизован, в этом твоя беда. По сравнению с тобой я – дитя природы. «Среди нехоженных дорог, где ключ студеной бил, ее узнать никто не мог и мало кто любил»²¹ – это про меня. И я *знаю*, что в этом деле что-то не так.

– Откуда?

– Откуда? Да оттуда же, откуда я знаю, что что-то не так с тем знаменитым лафитом урожая семьдесят шестого года, который этот чертов Петтигрю-Робинсон на днях имел наглость опробовать на мне. У него был мерзкий привкус.

– К черту привкус. Нет ведь никаких свидетельств насилия или яда. Ни у кого не было мотива расправиться со старушкой. И нет никаких возможностей доказать что бы то ни было в отношении кого бы то ни было.

Лорд Питер выбрал сигару «Боливар» из своего сигарного ящика и с элегантным артистизмом раскурил ее.

– Послушай, давай заключим пари, – сказал он. – Ставлю десять против одного, что Агата Доусон была убита, двадцать против одного, что это сделала Мэри Уиттакер, и пятьдесят против одного, что докажу это еще до конца года. Идет?

Паркер рассмеялся.

– Я человек бедный, ваше величество, – пошутил он, стараясь выиграть время.

– Вот! – победно воскликнул лорд Питер. – Ты сам не уверен. Был бы уверен, старина, сказал бы: «Деньги ваши – будут наши» – и без малейших колебаний заключил пари.

– Я достаточно повидал на своем веку, чтобы знать, что ни о чем нельзя говорить с абсолютной уверенностью, – возразил детектив, – но готов поспорить... на полкроны по каждому пункту, – осторожно добавил он.

– Да даже если бы ты сказал на полпенни, я бы простил тебе долг, принимая во внимание твою мнимую бедность, но семь с половиной шиллингов тебя не обогатят и не разорят. А уж я постараюсь доказать свои утверждения.

– И что ты намерен предпринять? – саркастически поинтересовался Паркер. – Затребуешь ордер на эксгумацию, чтобы поискать яд, невзирая на заключение эксперта? Или похитишь мисс Уиттакер и подвергнешь ее допросу третьей степени на галльский манер?

– Ничего подобного. Я человек современный и буду использовать современные психологические методы. Наподобие персонажей Псалмов, расставлю ловушки, я ловец душ и подтолкну предполагаемую преступницу к тому, чтобы она сама себя выдала.

– Ну, удачи! Ты ведь у нас лучший, так? – усмехнулся Паркер.

– Именно так. Установленный психологический факт: преступники не могут отрешиться от того, что сделали. Они...

²¹ У. Вордсворт «Люси». Пер. С. Маршака.

– Возвращаются на место преступления?

– Не перебивай, черт бы тебя побрал. Они предпринимают ненужные действия, чтобы скрыть якобы оставленные следы, и таким образом последовательно навлекают на себя Подозрение, Расследование, Доказательство, Осуждение и Плаху. Выдающиеся авторы юридических трудов... нет, только, чур, не заикайся о святом Августине. В любом случае, чтобы не метать бисер своего красноречия перед свиньями, я предлагаю разместить это объявление во всех утренних газетах. Полагаю, *хоть что-то* из продукции нашего века блистательной журналистики она читает. Таким образом мы одним камнем уьем двух птичек.

– Вспугнем двух зайцев, хочешь ты сказать, – проворчал Паркер. – Дай сюда.

Берту и Ивлин Гоутубед, бывших прежде в услужении у мисс Агаты Доусон из «Дубравы», Веллингтон-авеню, Лихэмpton, просят связаться с м-ром Дж. Мерблсом, поверенным, в Стэпл-Инн, В ИХ СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ.

– Неплохо придумано, правда? – сказал Уимзи. – Рассчитано на то, чтобы вызвать подозрения даже у самых неискушенных умов. Бьюсь об заклад, что Мэри Уиттакер клонет на это.

– Каким образом?

– Не знаю. Это-то и интересно. Надеюсь, с милягой стариком Мерблсом ничего неприятного не случится. Очень не хотелось бы его потерять. Он – идеальный семейный адвокат. Хотя человек его профессии должен быть готов к риску.

– Глупости! – сказал Паркер. – Хотя согласен: если ты действительно хочешь узнать, что происходило в доме Доусон, добраться до этих девушек полезно. Слуги всегда все знают.

– Дело не только в этом. Помнишь, сестра Филлитер сказала, что девушек уволили незадолго до того, как она сама покинула дом? Так вот, оставляя в стороне странные обстоятельства увольнения сиделки – историю о том, будто мисс Доусон отказывалась принимать пищу из ее рук, хотя это не было следствием перемены общего доброго отношения старушки к своей сиделке, – не кажется ли тебе заслуживающим внимания тот факт, что девушек под надуманным предлогом удалили из дома примерно через три недели после того истерического припадка, который случился с мисс Доусон? Не выглядит ли это так, что всех, кто мог что-то помнить о том эпизоде, просто убрали с дороги?

– Ну, для того чтобы избавиться от девушек, конкретный повод имелся.

– Разбитый фарфор? В наши дни не так легко найти хорошую прислугу. Хозяйкам приходится гораздо терпимее относиться к нерадивости горничных, чем в былые времена. И потом – насчет того припадка. Почему мисс Уиттакер обеспокоила мисс Доусон подписанием каких-то нудных несрочных документов именно в тот момент, когда весьма проницательная сиделка Филлитер отправилась на прогулку? Или они были срочными? Если она знала, что они могут расстроить старушку, почему не позаботилась о том, чтобы рядом был человек, способный ее успокоить?

– Ну, мисс Уиттакер и сама опытная медсестра. Она вполне была способна без посторонней помощи позаботиться о тетке.

– Не сомневаюсь, что она вообще очень способная женщина, – многозначительно сказал Уимзи.

– Да брось. Ты необъективен. Но объявление в любом случае разместить нелишне. Вреда от этого не будет.

Лорд Питер протянул было руку к звонку, но вдруг замер. Челюсть у него слегка отвисла, придав удлинённому лицу чуть глуповатое неуверенное выражение, свойственное героям произведений мистера П. Г. Вудхауса.

– Ты не думаешь, что?.. – начал он. – А, к черту! – Он нажал кнопку звонка. – Вреда *не будет*, как ты сказал. Бантер, позаботьтесь, чтобы это объявление появлялось во всех газетах, указанных в этом списке, каждый день вплоть до особого распоряжения.

Первый раз объявление было напечатано во вторник утром. В течение следующей недели не произошло ничего особенного, если не считать письменного сообщения мисс Климпсон о том, что юной мисс Файндлейтер удалось наконец уговорить мисс Уиттакер предпринять некоторые шаги относительно птицефермы. Вместе они отбыли осматривать хозяйство, о продаже которого узнали из «Новостей птицеводства», и намеревались отсутствовать несколько недель. Мисс Климпсон опасалась, что в сложившихся обстоятельствах не сможет продолжать расследование с эффективностью, оправдывающей его *слишком щедрое* вознаграждение. Однако она подружилась с мисс Файндлейтер, и та обещала держать ее в курсе *всех их дел*. Лорд Питер ответил ей ободряющим письмом.

В следующий вторник, когда мистер Паркер, как всегда, пререкался со своей приходящей домработницей, имевшей неприятное обыкновение варить ему на завтрак копченую рыбу до тех пор, пока та не начинала напоминать просоленную мочалку из люфы, настойчиво зазвонил телефон.

– Это ты, Чарлз? – послышался в трубке голос лорда Питера. – Мерблс получил письмо насчет той девушки, Берты Гоутубед. Она исчезла в прошлый четверг, ее домохозяйка, увидев объявление, обеспокоилась и едет сейчас к нам, чтобы рассказать все, что знает. Можешь в одиннадцать подъехать в Стэпл-Инн?

– Не знаю, – немного раздраженно ответил Паркер. – У меня дела. Не сомневаюсь, что ты справишься и без меня.

– О да! – капризно произнес голос в трубке. – Но я подумал, что тебе это будет самому интересно. Какое же ты неблагодарное существо, Чарлз. Не проявляешь ни малейшего интереса к делу, черт тебя побери.

– Но ты же знаешь, что я в это дело не верю. Ладно, не ругайся, не оскорбляй слух телефонистки на коммутаторе. Я постараюсь. В одиннадцать? Хорошо. Да, послушай!..

Клак – щелкнуло в трубке.

– Отключился, – недовольно сказал Паркер. – Берта Гоутубед. Гм-м. Могу поклясться...

Он протянул руку через стол, взял «Дейли йелл», прислоненную к банке джема, и, поджав губы, прочел заметку, жирный заголовок которой привлек его внимание как раз перед ссорой с домработницей по поводу рыбы.

ОФИЦИАНТКА НАЙДЕНА МЕРТВОЙ
В ЭППИНГСКОМ ЛЕСУ

—

В сумке – £5

—

Он поднял трубку и назвал номер Уимзи. Ответил дворецкий:

– Его светлость в ванной, сэр. Соединить его с вами?

– Да, пожалуйста, – сказал Паркер.

Снова раздался щелчок. Наконец послышался отдаленный голос лорда Питера:

– Аллю!

– Квартирная хозяйка не говорила, где работала Берта Гоутубед?

– Говорила. Официанткой в «Корнер-Хаусе». А почему вдруг такой вопрос? Сначала отшиваешь меня, потом не даешь спокойно принять ванну. В чем дело?

– Ты газет еще не читал?

– Нет. Это глупое занятие я оставляю до завтрака. А что случилось? Поступил приказ выступать на Шанхай? Или с подоходного налога сняли шесть пенсов?

– Заткнись, болтун, дело серьезное. Ты опоздал.

– Куда?

– Берту Гоутубед сегодня утром нашли мертвой в Эппингском лесу.

– Боже милостивый! Мертвой? Как? От чего она умерла?

– Понятия не имею. Яд или еще что. Может, сердечный приступ. Никаких следов насилия. Или ограбления. Никакой зацепки. Я еду в Ярд разбираться.

– Прости меня, Господи. Знаешь, Чарлз, а у меня ведь появилось какое-то дурное предчувствие, когда ты сказал, что от объявления не будет вреда. Мертва. Бедная девочка! Чарлз, я чувствую себя убийцей. Черт! Еще и мокрый весь. Ощущаешь себя таким беспомощным. Слушай, поезжай в Ярд, расскажи там все, что знаешь, а я присоединюсь к тебе, как только смогу. В любом случае теперь сомнений нет.

– Но послушай, это же может быть что-нибудь совсем другое, не имеющее отношения к объявлению.

– Ну да, а свиньи *могут* летать. Включи здравый смысл. Ох! Да, Чарлз, а о ее сестре ничего не известно?

– Известно. На теле найдено письмо от нее, по нему-то Берту и опознали. Она вышла замуж в прошлом месяце и уехала в Канаду.

– Это спасло ей жизнь. Если она вернется, то окажется в страшной опасности. Мы должны с ней связаться и предупредить ее. А также выяснить, что ей известно. До свидания. Мне нужно что-нибудь на себя надеть. Вот черт!

Щелк! На линии снова повисла мертвая тишина, и мистер Паркер, безо всякого сожаления оставив рыбу нетронутой, выскочил из дома и помчался по Лэмбз-Кондуит-стрит к остановке трамвая, идущего в Вестминстер.

Шеф Скотленд-Ярда сэр Эндрю Макензи был старинным другом лорда Питера. Он очень любезно принял молодого человека и со вниманием выслушал его несколько путаную историю о раке, завещаниях, таинственном нотариусе и объявлении в газете.

– Странное совпадение, – сказал он снисходительно, – и я могу понять, почему вы так расстроились. Но можете успокоиться. У меня есть отчет полицейского врача, который совершенно уверен, что смерть Берты Гоутубед наступила по исключительно естественным причинам. Нет никаких признаков какого бы то ни было насилия. Конечно, будет проведено расследование, но я думаю, что нет ни малейшей причины подозревать, что имело место преступление.

– Но что она делала в Эппингском лесу?

Сэр Эндрю слегка пожал плечами.

– Разумеется, это надо выяснить. Однако молодые люди, знаете ли, имеют обыкновение бродить. У нее есть жених. Работает где-то на железной дороге, кажется. Коллинз отправился допросить его. Или она могла прийти туда с кем-нибудь другим.

– Но если смерть была естественной, никто бы вот так просто не оставил девушку, которой стало плохо, а тем более умирающую.

– Это *вы* не оставили бы. А представьте себе, что там произошла какая-то ссора – в результате грубых развлечений, – и девушка упала замертво, так бывает при сердечном приступе. Ее спутник мог испугаться и сбежать. Разве такое не случается?

Лорда Питера его слова, судя по всему, не убедили.

– Сколько времени прошло с момента смерти, когда ее нашли?

– Дней пять или шесть, по мнению наших экспертов. Ее и нашли-то случайно; в этой части леса мало кто бывает. А тут какие-то ребята, гуляя с собаками, забрели в это пустынное место, и одна из собак учуяла труп.

– Тело лежало на виду?

– Не совсем. В кустах – знаете, в таком месте, где любят порезвиться шаловливые парочки.

– Или где убийца может поиграть с полицией в прятки, – добавил Уимзи.

– Ну-ну. Можете думать что вам угодно, – сказал сэр Эндрю с улыбкой, – но если это убийство, то разве что отравление, поскольку, как я уже сказал, ни малейших следов борьбы и никаких ран на теле не обнаружено. Я пошлю вам отчет о вскрытии. А пока, если хотите побывать вместе с инспектором Паркером на месте, где был найден труп, мы вам окажем любую помощь. И если вы что-нибудь найдете, пожалуйста, дайте мне знать.

Уимзи поблагодарил и, зайдя в соседний кабинет за Паркером, потащил его по коридору на выход.

– Не нравится мне все это, – говорил он ему на ходу. – То есть хорошо, конечно, что наши первые шаги в области психологии принесли, так сказать, плоды, но, видит бог, я не хотел, чтобы эти плоды были такими горькими. Лучше нам сейчас же поспешить в Эппинг, с квартирной хозяйкой можно поговорить и позже. Кстати, у меня новая машина, тебе понравится.

Одного взгляда на черного продолговатого монстра со щегольским корпусом и сверкающей сдвоенной выхлопной трубой мистеру Паркеру хватило, чтобы понять, что единственный способ добраться до Эппинга без вмешательства полиции – это принять как можно более официальный вид и размахивать своим служебным удостоверением перед носом каждого постового в синем мундире. Превозмогая внутреннее сопротивление, он втиснулся на пассажирское сиденье и испытал скорее нервозность, чем облегчение, когда машина уже в следующий миг оказалась в голове транспортного потока, причем с поразительно тихим, едва слышимым журчанием мотора вместо ожидаемого им оглушительного рева.

– Новый «Даймлер Твин-Сикс», два блока по шесть цилиндров, – объяснял лорд Питер, искусно обгоняя грузовик, даже не глядя на него. – С гоночным кузовом. Специальной сборки... куча полезных технических новинок... никакого шума – ненавижу шум... как Эдмунд Спарклер²²... он очень не любил шум... «Крошка Доррит»... помнишь книгу... зову ее «Миссис Мердль»²³... по этой причине... увидишь, на что она способна.

Это обещание было исполнено еще до прибытия на место, где нашли тело. Их появление произвело настоящий фурор среди группы людей, собравшихся кто по служебной обязанности, кто из любопытства. На лорда Питера тут же набросились четыре корреспондента и целый сонм фоторепортеров, которых его присутствие обнадежило: не исключено, что эта тайна выльется в полноценный трехколонник с иллюстрациями. Паркера, к его великому неудовольствию, засняли в позорном виде: когда он, скрючившись, пытался вылезти из «Миссис Мердль». Суперинтендант Уолмсли услужливо пришел ему на помощь и, отогнав зевак, повел к месту происшествия.

Тело уже увезли в морг, но по вмятине, оставшейся во влажной почве, нетрудно было понять, где оно лежало. Взглянув на нее, лорд Питер издал сдавленный стон.

– Черт бы побрал эту теплую весеннюю погоду, – с чувством произнес он. – Апрельский дождь... солнце и вода... что может быть хуже? Тело сильно пострадало, суперинтендант?

– Весьма, милорд, особенно в местах, не прикрытых одеждой. Но личность установлена точно.

– Не сомневаюсь. Как лежало тело?

– На спине, в спокойной и естественной позе. Одежда не смята, ничего такого. Похоже, она сидела, когда ей стало плохо, и просто откинулась на спину.

– М-м-м. Дождь смыл все следы и прочие отпечатки на земле. И трава здесь густая. Эта трава – просто проклятье, да, Чарлз?

²² Персонаж романа Ч. Диккенса «Крошка Доррит».

²³ Персонаж того же романа.

– Да. Насколько я вижу, ни одна веточка на кустах не сломана, суперинтендант?
– Ни одна, – ответил офицер, – никаких следов борьбы, как я отметил в своем рапорте.
– Все так, но если бы она сидела, а потом упала навзничь, как вы предполагаете, разве вот эти молодые побеги не сломались бы под тяжестью ее тела?

Суперинтендант внимательно посмотрел на представителя Скотленд-Ярда.

– Вы предполагаете, что ее принесли и положили тут, сэр?

– Я ничего не предполагаю, – недовольно ответил Паркер. – Я просто обращаю ваше внимание на то, что вы должны были бы заметить сами. А что это за следы от колес?

– Это наши, сэр. Мы подогнали сюда машину задним ходом, чтобы погрузить тело.

– И это все натоптали тоже ваши люди, полагаю?

– Частично наши, сэр, частично – те, кто ее нашли.

– И вы, надо думать, следов других людей не обнаружили?

– Нет, сэр. Но всю неделю шли сильные дожди. А кроме того, здесь полно кроликов, как видите, и, вероятно, других животных. Ласок и кого там еще...

– Ох! Ладно, осмотрите-ка тут все кругом. Возможно, найдутся какие-нибудь следы чуть подальше. Очертите круг и докладывайте обо всем, что увидите. И не пускайте сюда всю эту ораву. Выставьте ограждение и скажите, чтобы никто не приближался. Питер, ты осмотрел все, что хотел?

Уимзи, ковырявший тростью под стволом дуба в нескольких ярдах от него, остановился и поднял сверток, который был засунут в углубление между корнями. Двое полицейских поспешили к нему с выражением острого любопытства, которое тут же испарилось, как только они увидели, что он достал: бутерброд с ветчиной и пустую бутылку из-под пива «Басс», кое-как завернутые в промасленную газету.

– У кого-то тут был пикник, – хмыкнул Уолмсли. – Думаю, это никакого отношения к телу не имеет.

– А я думаю, что вы ошибаетесь, – спокойно возразил Уимзи. – Когда точно исчезла девушка?

– Она ушла с работы в «Корнер-Хаусе» в пять часов, завтра будет ровно неделя, то есть двадцать седьмого, в среду, – ответил Паркер.

– А это как раз – «Ивнинг व्यюз» от среды, двадцать седьмого, – сказал Уимзи. – Последний вечерний выпуск. Он поступает в продажу после шести часов вечера. Так что, если никто не явился сюда с этой газетой позднее, специально чтобы поужинать, скорее всего, газету принесла сама девушка или ее спутник. Трудно вообразить, чтобы кто-то стал устраивать пикник рядом с трупом. Не то чтобы трупы обязательно мешают получать удовольствие от еды – *à la guerre comme à la guerre*²⁴, – но вроде сейчас войны нет.

– Это правильно, сэр, но вы сами сказали, что она умерла в среду или в четверг, так что она могла успеть побывать еще где-нибудь – переночевать у кого-то в городе или еще где.

– Я снова разбит в пух и прах, – притворно опечалился Уимзи. – Тем не менее совпадение занятное.

– Да, милорд, занятное, и я очень рад, что вы нашли эти вещи. Вы заберете их с собой, мистер Паркер, или мне взять?

– Лучше вам взять их и приобщить к другим уликам, – сказал Паркер, протягивая руку, чтобы забрать сверток у Уимзи, но тот, похоже, заинтересовался им больше, чем он того заслуживал. – Думаю, его светлость прав, сверток принесла с собой девушка. И это доказывает, что она пришла сюда не одна. Вероятно, с ней был ее молодой человек. Напоминает старую-старую историю. Осторожно с бутылкой, на ней могут быть отпечатки пальцев.

²⁴ На войне как на войне (*фр.*).

– Вот она, возьми, – сказал Уимзи. – Да будет у нас всегда друг и бутылка, чтобы его угостить, как говаривал Дик Свивеллер²⁵. Но я очень прошу тебя, прежде чем ты отправишься предупреждать добропорядочного молодого железнодорожника о том, что все сказанное им будет записано и впоследствии может использоваться против него, обрати, пожалуйста, свой взор и нюх на этот бутерброд с ветчиной.

– И что с ним не так? – поинтересовался Паркер.

– Ничего. Он прекрасно сохранился благодаря этому восхитительному дубу. Могучий дуб – сколько веков он служил британцам защитой против завоевателей! Его сердцевина – наши корабли²⁶; заметь, не «сердце», как обычно неверно цитируют, а сердцевина. Однако меня озадачивает несоответствие между этим бутербродом и остальной обстановкой.

– Обычный бутерброд с ветчиной, разве не так?

– О, боги винной фляги и застолья, доколе?.. Да, это бутерброд с ветчиной, варвар, но не обычный. Эта ветчина никогда не видела кухню Лайонса²⁷, прилавков сетевых магазинов или захолустных кулинарий. Поросенок, принесенный в жертву, чтобы изготовить этот деликатес, обрастал салцем не на обычном свином рационе из помоев и смешанных кухонных отходов. Обрати внимание на плотную структуру мяса, на глубокий коричневатый оттенок его постной части, на желтоватое, словно щека китайца, сало, на темные пятнышки черной патоки, которой его пропитали, чтобы сделать лакомство способным соблазнить самого Зевса Олимпийского. И скажи мне, человек, лишенный тонкого вкуса и достойный того, чтобы его круглый год кормили переваренной треской, как могло случиться, что простая официантка со своим другом-железнодорожником заявили в Эппингский лес, чтобы полакомиться бутербродами с черной, пропитанной патокой браденхэмской ветчиной, которая некогда бегала юным диким вепрем по лесам, пока смерть не превратила его в непортящийся прославленный шедевр кулинарного мастерства? Могу добавить, что стоит эта ветчина около трех шиллингов за фунт, – надеюсь, этот аргумент будет для тебя весомым.

– Странно, конечно, – согласился Паркер. – Думаю, только богатые люди могут...

– Либо богатые, либо те, кто относится к еде как к изящному искусству, – подхватил Уимзи. – Эти две категории не идентичны, хотя иногда пересекаются.

– Это может оказаться важным, – сказал Паркер, аккуратно заворачивая улики. – А теперь пора отправиться осмотреть тело.

Процедура осмотра была не из приятных, поскольку жара и влажность сделали свое дело, ну и, конечно, ласки постарались. По правде говоря, Уимзи, бросив на тело лишь беглый взгляд, предоставил двум полицейским сотрудникам продолжать осмотр, а сам сосредоточил внимание на сумке покойной. Он пробежал глазами письмо от Ивлин Гоутубед (ныне Ивлин Кроппер), записав ее канадский адрес. Из внутреннего кармашка извлек газетную вырезку с собственным объявлением и довольно долго разглядывал сложенную пятифунтовую банкноту, лежавшую вместе с купюрой в десять шиллингов, семью шиллингами и восемью пенсами серебром, ключом от английского замка и пудреницей с компактной пудрой.

– Уолмсли, надеюсь, вы собираетесь отследить купюру?

– О да, милорд, разумеется.

– И ключ. Полагаю, от жилища девушки.

²⁵ Персонаж романа Ч. Диккенса «Лавка древностей».

²⁶ Марш «Сердцевина дуба» был официальным гимном Королевского военно-морского флота и развивал мысль о том, что дубы и деревянные стены Англии представляют своего рода квинтэссенцию национального духа. Текст песни был написан великим английским актером Д. Гарриком.

²⁷ «Дж. Лайонс и Ко» была британской сетью ресторанов, предприятий пищевой промышленности и гостиничным конгломератом, основана в 1884 г.

– Без сомнения, сэр. Мы попросили ее квартирную хозяйку прийти и опознать тело. Не то чтобы у нас были сомнения, но так положено. Хозяйка может оказать нам помощь. А! – Суперинтендант выглянул за дверь морга. – Вот, должно быть, и она.

Грузная, добродушная на вид женщина, выбравшаяся из такси с помощью молодого полицейского, беспрерывно всхлипывая, без колебаний опознала покойную как Берту Гоутубед.

– Такая милая девушка, – бормотала она. – О господи, какой ужас! Кто мог сотворить такое? С тех пор как она в прошлую среду не вернулась домой, я так беспокоилась. Сколько раз я пожалела о том, что не отрезала себе язык, прежде чем показать ей это злосчастное объявление. О, вижу, вы нашли его, сэр. Как же это подло – заманивать молоденьких девушек обещаниями какой-то выгоды. Старый грешник, называющий себя адвокатом! Когда она не вернулась в тот день и на следующий, я написала негодю, предупредила его, что все знаю и напущу на него законные власти, пусть не сомневается, не будь я Доркас Гулливер. Меня ему не провести, я не из тех доверчивых девочек, за которыми он охотится, мне на Духов день шестьдесят один исполнится, так что уж я-то людей знаю – так я ему и написала.

Невозмутимость лорда Питера была несколько поколеблена столь грозной обличительной тирадой в адрес высокочтимого мистера Мерблса из Стэпл-Инн, чья собственная версия переписки с миссис Гулливер была отредактирована в сторону смягчения.

– Представляю, как был шокирован старик, – пробормотал он Паркеру. – Полагаю, мне влетит от него при следующей встрече.

Тем временем миссис Гулливер продолжала стенать:

– Такие порядочные девушки, обе, мисс Ивлин вышла замуж за того приятного молодого человека из Канады. Господи, какой это будет удар для нее! А еще бедняга Джон Аффронсайдз, который на Троицу собирался жениться на мисс Берте, бедной овечке. Очень приличный, солидный мужчина, служит на Южной железной дороге, он еще все шутил: «Медленный, но надежный, как Южная железная дорога, – это я, миссис Гулливер». Ай-яй-яй, кто бы мог поверить? И ведь она, боже упаси, совсем не была из этих вертихвосток. Я не задумываясь дала ей ключ от входной двери, потому что она иногда поздно возвращалась с работы, но никогда нигде не оставалась ночевать. Потому я так и забеспокоилась, когда она не вернулась домой. В наши времена многие просто умыли бы руки и были бы рады ничего не знать, чтобы не попасть в передрыгу. Только не я. Когда прошло несколько дней, а она все не появлялась, я сказала: «Помяните мое слово, – говорю, – ее похитил, – говорю, – этот самый Мерблс».

– Долго она у вас прожила, миссис Гулливер? – спросил Паркер.

– Чуть больше года, недолго, можно сказать, но будьте уверены: мне и недели хватит, чтобы узнать, порядочная девушка или нет. Имея такой опыт, как у меня, это даже по внешнему виду понять можно.

– Они с сестрой поселились у вас вместе?

– Да. Они пришли ко мне, когда искали работу в Лондоне. И ведь они, скажу я вам, могли попасть в плохие руки – две молоденькие провинциалки, такие свеженькие, хорошенькие.

– Но им необычайно повезло, миссис Гулливер, – сказал лорд Питер, – они нашли в вашем лице человека, которому можно довериться, спросить совета.

– Ну, вообще-то да, – ответила миссис Гулливер. – Не то чтобы нынешняя молодежь прислушивается к старшим... Наставь ребенка на верный путь, он и в старости не собьется с него, как сказано в Писании. Но мисс Ивлин, то есть теперь миссис Кроппер, взбрело в голову, что надо ехать в Лондон и стать настоящими леди, даром что до того они были прислугой. Хотя какая разница между тем, чтобы работать в какой-нибудь закусочной на побегушках у всякой шушеры, и тем, чтобы служить в доме у порядочной женщины, я *не знаю*, разве что работы больше и ешь когда попало. Тем не менее мисс Ивлин – она всегда была у них заводилой – очень хорошо устроилась, скажу я вам, познакомившись с мистером Кроппером, который

каждое утро завтракал в «Корнер-Хаусе» и который положил на нее глаз – с самыми честными намерениями.

– Это большое везение. А вы не знаете, кто подсказал девушкам податься в Лондон?

– Вот, сэр, правильно, что вы спросили, потому что я никогда этого не могла понять. Та леди, у которой они служили в деревне, вбила это в голову мисс Ивлин. Не кажется ли вам, сэр, что при том, как трудно сейчас найти хорошую прислугу, она должна была бы сделать все, чтобы удержать их? Ан нет! Как-то там случилась небольшая неприятность, кажется, с Бертой, эта несчастная девушка, бедный ягненок – сердце разрывается смотреть, как она здесь лежит, правда же? – так вот, Берга разбила какой-то старинный чайник, судя по всему, очень ценный, и хозяйка сказала, что не может, мол, допустить, чтобы ее посуду били и дальше. Поэтому, сказала она, «тебе придется уйти», но, сказала она, «я дам тебе очень хорошую рекомендацию, и ты быстро найдешь хорошее место. Думаю, Ивлин захочет уйти вместе с тобой, – сказала она, – поэтому мне придется найти кого-нибудь другого. Но, – говорит, – почему бы вам не отправиться в Лондон? Там вам будет лучше, и жизнь там более интересная, чем тут». И она столько наговорила им про то, какое чудесное место этот Лондон и какие там открываются возможности, стоит только захотеть, что они прямо с ума сошли, так им захотелось сюда поехать, а она еще и подарила им немного денег и вообще очень хорошо к ним отнеслась.

– Гм-м, – сказал Уимзи, – должно быть, этот чайник был ей как-то особенно дорог. А Берга часто била посуду?

– Да в том-то и дело, сэр, что она никогда прежде ни разу ничего не разбила. Но эта мисс Уиттакер – так ее звать – оказалась из тех упрямец, которые всегда все делают по-своему. Берга – во всяком случае, так она думала – попала под горячую руку, хотя мисс Ивлин, которая теперь миссис Кроппер, *вот та* считала, что все это неспроста. Мисс Ивлин была всегда очень, можно сказать, проницательной, в отличие от мисс Берты. Но, в конце концов, у всех нас есть свои особенности, сэр, ведь правда? По моему мнению, эта дама присмотрела себе кого-то другого, кого хотела взять на место Берты, а Ивлин, которая теперь миссис Кроппер, ну, вы знаете, считала, что чайник был просто предлогом, чтобы от них избавиться.

– Вполне вероятно, – сказал Уимзи. – Полагаю, инспектор, что с Ивлин Гоутубед...

– Она теперь миссис Кроппер, – всхлипнув в очередной раз, вставила миссис Гулливер.

– ...что с миссис Кроппер уже связались?

– О да, милорд. Мы ей сразу же телеграфировали.

– Отлично. Дайте мне знать, как только она ответит.

– Разумеется, мы постоянно на связи с инспектором Паркером, милорд.

– Конечно. Ну, Чарлз, теперь я тебя оставлю. Мне нужно отправить телеграмму. Или ты едешь со мной?

– Нет, спасибо, – ответил Паркер. – Честно признаться, мне не нравится твой стиль вождения. Будучи лицом официальным, я предпочитаю оставаться в рамках закона.

– «Рамки» – это слово как раз для тебя, – сказал Питер. – Ладно, увидимся в городе.

Глава 7

Ветчина и бренди

Скажи мне, что ты ешь, – и я скажу тебе, кто ты.
*Ж. А. Брийя-Саварен*²⁸

– Итак, – сказал Уимзи, когда тем же вечером Бантер проводил Паркера в его гостиную, – есть что-нибудь свеженькое?

– Да, у меня есть новая версия преступления, которая не оставляет от твоей камня на камне. И доказательства имеются.

– Кстати, какого именно преступления?

– Ну, конечно же, эппингского. В то, что старушка Доусон была убита, я по-прежнему не верю. Это просто твои фантазии.

– Понятно. А теперь ты хочешь мне сообщить, что с Бертой Гоутубед расправились торговцы «белыми рабынями».

– Откуда ты узнал? – разочарованно спросил Паркер.

– Это нетрудно: что бы ни случилось с молодой женщиной, у Скотленд-Ярда есть только две навязчивые идеи: либо торговцы «белыми рабынями» – либо наркопритоны. Иногда то и другое вместе. Ты хочешь сказать, что в данном случае имело место именно то и другое?

– Ну, вообще-то да. Так часто бывает, ты же знаешь. Мы проследили пятифунтовую банкноту.

– Вот это важно в любом случае.

– Да. По-моему, именно в ней – ключ ко всему. Это одна из купюр, которые были выданы некой миссис Форрест, живущей на Саут-Одли-стрит. Я съездил туда, чтобы поговорить с этой дамой.

– Поговорил?

– Нет, ее не оказалось дома. Мне сообщили, что она вообще бывает там крайне редко. Надо сказать, у нее весьма дорогостоящие и загадочные привычки. Квартира элегантно обставлена, располагается над цветочным магазином.

– Квартира с гостиничным обслуживанием?

– Нет. Это такой тихий дом с лифтом без лифтера. Она появляется там лишь время от времени, чаще всего вечером, проводит одну-две ночи и уезжает. Еду заказывает из «Фортнум и Мейсон». Счета оплачивает сразу, наличными или чеком. Убирает у нее пожилая женщина, которая приходит около одиннадцати часов утра, к этому времени миссис Форрест обычно уже дома нет.

– Ее кто-нибудь когда-нибудь видел?

– Господи, конечно! Соседи снизу и продавщица из цветочного магазина очень подробно мне ее описали. Высокая, расфуфыренная, вся в ондатре, в открытых, почти без верха туфлях с каблуками, украшенными драгоценными камнями, – ну, ты знаешь эту моду. Волосы обесцвечены; когда проходит мимо, обдает всех ароматом орегано; напудрена белой пудрой – не по моде; губы густо накрашены помадой сургучного цвета; брови вызывающе подведены черным; ногти – палитра всех оттенков красного.

– Вот уж не знал, что ты изучаешь «Женскую страничку» в газетах с такой благой целью, Чарлз.

²⁸ Жан Антельм Брийя-Саварен (1755–1826) – французский философ, кулинар, юрист, экономист, политический деятель, музыкант, автор знаменитого трактата «Физиология вкуса».

– Ездит на четырехместном «рено» темно-зеленого цвета с гобеленовой обивкой. Гараж – за углом. Я поговорил с охранником, он сказал, что двадцать седьмого ночью машины в гараже не было. Выехала в половине второго, вернулась около восьми утра.

– Сколько горючего было сожжено?

– Это тоже удалось выяснить. Достаточно, чтобы доехать до Эппинга и обратно. Более того, уборщица сказала, что накануне вечером в квартире ужинали двое и выпили три бутылки шампанского. Также на столе была ветчина.

– Браденхэмская?

– Откуда домработнице это знать? Но, думаю, весьма вероятно. В «Фортнум и Мейсон» мне подтвердили, что доставляли браденхэмскую ветчину по адресу миссис Форрест около двух недель тому назад.

– Звучит убедительно. Насколько я понимаю, ты думаешь, что миссис Форрест заманила к себе БERTУ Гоутубед с какой-то сомнительной целью, они поужинали...

– Нет, я думаю, там был мужчина.

– Ну да, конечно. Миссис Ф. организовала свидание и оставила их вдвоем. Бедную девочку напоили до бесчувствия, а потом произошло нечто непредвиденное.

– Да. Может, у нее случился удар или ей вкололи наркотик.

– И тогда они вытащили ее из квартиры и избавились от тела. Вполне возможно. Вскрытие что-нибудь прояснит в этом смысле. Да, Бантер, в чем дело?

– Телефон, милорд. Спрашивают мистера Паркера.

– Прости, – сказал Паркер, – я попросил служащих цветочного магазина сообщить мне, когда появится миссис Форрест. Если это она, поедешь со мной?

– Еще бы!

Поговорив по телефону, Паркер вернулся с победным видом, которого ему не удалось скрыть.

– Она только что поднялась в свою квартиру. Поехали. Только не на твоём «демоне смерти» – возьмем такси. Поторапливайся, я не хочу ее упустить.

Дверь в квартиру на Саут-Одли-стрит открыла сама миссис Форрест. Уимзи моментально узнал ее по описанию. Взглянув на удостоверение Паркера, она беспрекословно пропустила их внутрь и проводила в розово-фиолетовую гостиную, явно оформленную специалистами с Риджент-стрит.

– Прошу садиться. Вы курите? А ваш друг?

– Мой коллега, мистер Темплтон, – поспешно поправил ее Паркер.

Наметанным, весьма жестким взглядом миссис Форрест сразу оценила разницу между пиджачным костюмом Паркера ценой в семь гиней, «сшитым по последней моде в наших собственных мастерских и сидящим как влитой», – и скроенным на Сивилл-роу костюмом его «коллеги», однако ничем не выдала своей настороженности, разве что тон ее сделался еще более нарочито любезным. Паркер перехватил ее взгляд. «Профессиональная оценка, – отметил он про себя. – Она решила, что Уимзи – разъяренный брат, муж или кто-то еще. Не важно. Пусть погадает и понервничает – нам это только на руку».

– Мадам, – начал он со строгой официальностью, – мы расследуем некие события, имевшие место двадцать шестого числа прошлого месяца. Вы в это время, кажется, были в городе?

Миссис Форрест слегка наморщила лоб, делая вид, что вспоминает. Уимзи взял на заметку, что она не такая молодая, какой хочет казаться благодаря пышному светло-зеленому платью. Ей, безусловно, было уже под тридцать, и ее взгляд выдавал зрелую и многоопытную женщину.

– Да, думаю, была, – ответила она. – Точно была. Я тогда провела в городе несколько дней. Чем могу быть полезна?

– Речь идет о некой банкноте, путь которой мы проследили, и он привел к вам, – ответил Паркер. – Это пятифунтовая банкнота за номером икс уай пятьдесят восемь девятьсот двадцать девять. Она была выдана вам «Банком Ллойда» при обналичивании чека девятнадцатого числа.

– Очень может быть. Конечно, я не помню нбмера, но примерно в то время действительно обналичивала чек. Могу уточнить по чековой книжке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.